

Н. НОСОВ

Весёлая семейка

ДЕТГИЗ - 1950

Николай Носов

•

ВЕСЁЛАЯ СЕМЕЙКА

Важное решение

Это случилось после того, как взорвалась паровая машина, которую мы с Мишкой делали из консервной банки. Мишка слишком сильно нагрел воду, банка лопнула, и горячим паром ему обожгло руку. Хорошо, что Мишкина мама тут же намазала ему руку нафталановой мазью. Это очень хорошее средство. Кто не верит, пусть сам попробует. Только мазать нужно сейчас же, как обожжёшься, пока не сошла кожа.

После того как машина лопнула, Мишкина мама запретила нам с ней возиться и выбросила её в мусорный ящик. Пришлось нам некоторое время слоняться без дела. Скука была смертельная.

Началась весна. Снег таял повсюду. По улицам журчали ручьи. Солнышко уже по-весеннему светило в окна. Но ничто нас не радовало. Такой уж у нас с Мишкой характер — нам обязательно нужно какое-нибудь занятие. Когда нечего делать, мы начинаем скучать и скучаем до тех пор, пока не находим какого-нибудь дела.

Один раз я прихожу к Мишке, а он сидит за столом, носом уткнулся в какую-то книгу, голову обхватил руками и ничего на свете, кроме этой книги, не видит и даже не замечает, что я пришёл. Я нарочно хлопнул погромче дверью, чтобы он обратил на меня внимание.

— А, это ты, Николадзе! — обрадовался Мишка. Он никогда не называл меня по имени. Вместо того чтобы сказать просто «Коля», он называет меня то Никола, то Микола, то Микула Селянинович, то Миклухо-Маклай, а один раз даже стал называть по-гречески Николаки. Словом, что ни день, то новое имя. Но я не обижаюсь. Пусть себе зовёт, если ему это нравится.

— Да, это я, — говорю я. — А что это у тебя за книжка? Чего ты в неё вцепился, как клещ?

— Очень интересная книга, — говорит Мишка. — Я её сегодня утром в газетном киоске купил.

Я посмотрел: на обложке — петух и курица и написано «Птицеводство», а на каждой странице — какие-то курятники и чертежи.

— Что же тут интересного? — говорю я. — Это какая-то научная книжка.

— Вот и хорошо, что научная. Это тебе не какие-нибудь сказки. Тут всё правда. Это полезная книга.

Мишка такой человек — ему обязательно надо, чтоб от всего была польза. Когда у него бывают лишние деньги, он идёт в магазин и покупает какую-нибудь полезную книжку. Один раз он купил книгу, которая называется «Обратные тригонометрические функции и полиномы

Чебышева». Конечно, он ни слова в этой книжке не понял и решил прочитать её потом, когда немножечко поумнеет. С тех пор эта книга лежит у него на полке — ждёт, когда он поумнеет.

Мишка отметил страницу, на которой читал, и закрыл книжку.

— Тут, брат, про всё есть, — сказал он, — как разводить кур, уток, гусей, индюков.

— Уж не собираешься ли ты разводить индюков? — спросил я.

— Нет, что ты! Просто интересно почитать про это. Оказывается, можно устроить такую машину — инкубатор, и цыплята сами будут выводиться, без курицы.

— Кто же этого не знает! — говорю я. — В прошлом году я был с мамой в колхозе и видел инкубатор. Там цыплята выводились каждый день штук по пятьсот или по тысяче. Их насилу успевали вынимать из инкубатора.

— Что ты говоришь! — удивился Мишка. — А я раньше не знал об этом. Я думал, что цыплят всегда высиживает курица. Когда мы жили в деревне, я видел, как наседка высиживает цыплят.

— Я тоже видел наседку. Но инкубатор гораздо лучше. Под наседку положишь десяток яиц — и всё, а в инкубатор можно заложить сразу тысячу.

— Я знаю, — говорит Мишка. — Здесь про это написано. И потом, пока курица сидит на яйцах и воспитывает цыплят, она не несёт яиц, а если цыплят высиживает инкубатор, курица всё время несётся, и яиц получается гораздо больше.

Мы стали высчитывать, сколько лишних яиц получится, если всё куры не станут высиживать цыплят, а вместо этого будут нести яйца. Оказалось, что курица высиживает цыплят двадцать один день, потом она выращивает маленьких цыплят, так что пройдёт три месяца, прежде чем она снова начнёт нестись.

— Три месяца — это девяносто дней, — сказал Мишка. — Если бы курица не высиживала цыплят, она смогла бы снести за год на девяносто яиц больше. В каком-нибудь маленьком хозяйстве, где всего десять кур, за год получилось бы на девятьсот яиц больше. А если взять такое хозяйство, как колхоз или совхоз, где на птицеферме тысяча кур, то там получится на девяносто тысяч больше яиц. Подумать только — девяносто тысяч!

Мы долго рассуждали о том, какая польза получается от инкубатора. Потом Мишка сказал:

— А что, если нам самим сделать маленький инкубатор, чтоб в нём вывелись из яиц цыплята?

— Как же мы это сделаем? — говорю я. — Ведь это всё надо знать, как делать.

— Ничего хитрого нет, — говорит Мишка. — В книжке тут всё написано. Главное, чтобы яйца нагревались ровно двадцать один день подряд, и тогда из них выведутся цыплята.

Мне вдруг очень захотелось, чтоб у нас были маленькие цыплята, потому что я очень люблю всяких птиц и зверей. Осенью мы с Мишкой даже записались в кружок юннатов и работали в живом уголке, а потом Мишка придумал делать эту паровую машину, и мы перестали ходить на кружок. Витя Смирнов, который был у нас старостой, сказал, что вычеркнет нас из списка, если мы не будем работать, но мы сказали, что будем, и он не вычеркнул.

Мишка принялся рассказывать, как будет хорошо, когда у нас выведутся маленькие цыплята.

— Они будут такие хорошенькие! — говорит он. — Можно будет отгородить им угол на кухне,

и пусть они там живут, а мы будем кормить их и ухаживать за ними.

— Но ведь придётся три недели возиться, пока они выведутся! — говорю я.

— Чего возиться? Сделаем инкубатор — они и выведутся. Я задумался. Мишка с беспокойством поглядывал на меня. Я видел, что ему очень хочется взяться поскорее за дело.

— Ну ладно! — говорю я. — Делать нам всё равно нечего, попробуем.

— Я так и знал, что ты согласишься! — обрадовался Мишка. — Я и сам взялся бы за это дело, да без тебя мне скучно.

Неожиданное препятствие

— Давай не будем делать инкубатор, а положим яйца в кастрюлю и поставим на печку, — предложил я.

— Что ты, что ты! — замахал Мишка руками. — Печка остынет, и тогда всё пропало. В инкубаторе должна быть всё время одинаковая температура — тридцать девять градусов.

— Почему тридцать девять?

— Потому что такая температура бывает у курицы, когда она сидит на яйцах.

— Разве у курицы бывает температура? — говорю я. — Температура бывает у человека, когда он болен.

— Много ты понимаешь! Температура есть у каждого человека — и у больного и у здорового, только у больного она повышается.

Мишка раскрыл книгу и стал показывать чертежи:

— Вот смотри, как настоящий инкубатор устроен. Здесь — бак с водой. От бака проведена трубка к ящику с яйцами. Внизу бак нагревается. Нагретая вода проходит по трубке и обогревает ящик с яйцами. Здесь вот градусник, чтоб можно было следить, какая температура.

— Постой, — говорю я, — где же мы возьмём бак?

— А зачем нам бак? Вместо бака возьмём консервную банку. Ведь нам небольшой инкубатор надо.

— А чем нагревать? — спрашиваю я.

— Нагревать можно керосиновой лампой. У нас где-то в сарае есть старая керосиновая лампа.

Мы пошли в сарай и стали рыться в куче рухляди, которая лежала в углу. Тут были старые ботинки, калоши, сломанный зонтик, очень хорошая медная трубка, множество бутылок и старых консервных банок. Мы перерыли всю кучу, но лампы там не было, а потом я увидел, что она стояла вверху на полке. Мишка полез и достал её. Лампа вся была покрыта пылью, но стекло было цело, а внутри оказался даже фитиль. Мы обрадовались, взяли лампу и медную трубку, выбрали хорошую, большую консервную банку и потащили всё это на кухню.

Сначала Мишка вычистил лампу, налил в неё керосину и попробовал зажечь. Лампа горела исправно. Фитилёк можно было подкручивать и делать пламя то больше, то меньше.

Мы потушили лампу и принялись мастерить инкубатор. Первым делом мы склотили из фанеры большую коробку, чтобы в неё поместилось штук пятнадцать яиц. Эту коробку мы выложили внутри ватой, а поверх ваты обили ещё войлоком, чтобы яйцам было теплей. Сверху к коробке приделали крышку с дырочкой. В эту дырочку просунули градусник, чтобы следить за температурой.

После этого мы приступили к устройству нагревательного аппарата. Взяли консервную банку, просверлили в ней два круглых отверстия: одно — сверху, другое — внизу. К верхнему отверстию припаяли медную трубку, потом проделали в инкубаторе сбоку дырочку, просунули в неё трубку и согнули её так, чтобы она проходила внутри коробки, как будто паровое отопление. Конец трубки мы вывели наружу и припаяли к нижнему отверстию консервной банки.

Теперь нужно было устроить так, чтобы банку можно было нагревать снизу лампой. Мишка принёс на кухню фанерный ящик. Мы поставили его стоймя, прорезали в верхней стенке ящика круглую дырку и установили инкубатор так, чтоб консервная банка находилась как раз над дыркой. Лампу мы поставили в ящик снизу, чтоб она могла нагревать банку.

Наконец всё было сделано. Мы налили в банку воды и зажгли лампу. Вода в банке начала нагреваться. Она проходила по трубке и нагревала наш инкубатор. Ртуть в градуснике стала подниматься и постепенно дошла до тридцати девяти градусов. Она, наверно, поднялась бы и выше, но тут пришла Мишкина мама.

— Почему керосином воняет? Что вы тут делаете? — спросила она.

— Инкубатор, — говорит Мишка.

— Какой инкубатор?

— Ну, чтоб цыплята вывелись.

— Какие ещё цыплята?

— Ну какие... Обыкновенные. Сюда, понимаешь, кладутся яйца, а вот тут, понимаешь, лампочка...

— А лампочка зачем?

— Как же без лампочки? Без лампочки ничего не выйдет.

— Нет, ты уж, пожалуйста, это оставь! Лампочка опрокинется, керосин загорится.

— Не загорится. Мы будем смотреть.

— Нет, нет! Что это ещё за игрушки с огнём! Мало тебе, что кипятком обварился, ещё хочешь пожар устроить?

Как ни просил Мишка маму, она не разрешила нам жечь керосиновую лампу.

— Вот тебе и вывели цыплят! — сказал Мишка с досадой.

Выход найден

В эту ночь я долго не мог заснуть.

Целый час я лежал в постели и думал об инкубаторе. Сначала я хотел попросить мою маму, чтоб она разрешила нам жечь керосиновую лампу, но потом понял, что и моя мама не позволит нам возиться с огнём, так как она очень боится пожара и всегда прячет от меня спички. К тому же Мишкина мама отняла у нас керосиновую лампу и ни за что не отдала бы обратно. Все давно уже спали, а я думал об этом и никак не мог заснуть.

Вдруг в мою голову пришла очень хорошая мысль: «А что, если нагревать воду на электрической лампочке?»

Я потихоньку встал, зажёл настольную лампу и приложил к ней палец, чтобы узнать, много ли от электрической лампочки получается тепла. Лампочка быстро нагрелась, так что палец невозможно стало держать. Тогда я снял со стены градусник и прислонил к лампочке. Ртуть быстро поднялась и уперлась в верхний конец, так что на градуснике не хватило даже делений. Значит, тепла получалось много.

Я успокоился и повесил градусник на место. Впоследствии, через некоторое время, мы обнаружили, что этот градусник стал врать и показывать неправильную температуру. Когда в комнате было прохладно, он почему-то показывал градусов сорок жары, а когда становилось теплей, ртуть забиралась на самый верх и торчала там до тех пор, пока её не стряхивали. Меньше тридцати градусов жары он никогда не показывал, так что мы даже зимой могли бы не топить печку, если бы он не врал. Может быть, это случилось оттого, что я прикладывал градусник к лампе? Не знаю.

На другой день я рассказал о своей выдумке Мишке. Когда мы вернулись из школы, я выпросил у мамы старую настольную лампу, которая стояла у нас в шкафу, и мы решили попробовать нагревать воду электричеством. Мы поставили настольную лампу вместо керосиновой в ящик, а чтобы лампочка была поближе к банке с водой и лучше нагревала её, Мишка подложил под неё несколько книжек. Я включил электричество, и мы стали следить за градусником.

Сначала ртуть в градуснике долго стояла на месте, и мы даже стали бояться, что у нас ничего не выйдет. Потом лампочка постепенно нагрела воду, и ртуть начала медленно подниматься кверху.

Через полчаса она поднялась до тридцати девяти градусов.

Мишка от радости захлопал в ладоши и закричал:

— Ура! Вот она, настоящая куриная температура!.. Оказывается, электричество не хуже керосина.

— Конечно, — говорю, — не хуже. Электричество ещё даже лучше, потому что от керосина может случиться пожар, а от электричества ничего не получится.

Тут мы заметили, что ртуть в градуснике полезла выше и поднялась до сорока градусов.

— Стой! — закричал Мишка. — Стой! Смотри, куда она лезет!

— Надо как-нибудь остановить её, — говорю я.

— А как её остановишь? Если бы это была керосиновая лампа, можно было бы подкрутить фитилек.

— Какой же тут фитилек, когда это электричество!

— Никуда оно не годится, твоё электричество! — рассердился Мишка.

— Почему моё электричество? — обиделся я. — Оно такое же моё, как и твоё.

— Но это ведь ты выдумал нагревать электричеством. Смотри, уже сорок два градуса! Если так пойдет, то все яйца сварятся, и никаких цыплят не получится.

— Постой, — говорю я. — По-моему, надо лампочку опустить ниже, тогда она станет слабей нагревать воду и температура понизится.

Мы вытащили из-под лампы самую толстую книжку и стали смотреть, что будет. Ртуть медленно поползла вниз и опустилась до тридцати девяти градусов.

Мы облегченно вздохнули, и Мишка сказал:

— Ну, теперь всё в порядке. Можно начинать выводить цыплят. Сейчас я попрошу у мамы денег, а ты беги домой и тоже попроси денег. Мы сложимся вместе и купим в магазине десяток яиц.

Я побежал поскорей домой и стал просить у мамы денег на яйца.

Мама никак не могла понять, зачем мне понадобились яйца. Насилу я растолковал ей, что мы устроили инкубатор и хотим вывести цыплят.

— Да у вас ничего не выйдет, — сказала мама. — Шуточное ли дело — вывести без наседки цыплят! Вы только время потеряете даром.

Но я не отставал от мамы и всё просил.

— Ну хорошо, — согласилась мама. — А где же вы хотите покупать яйца?

— В магазине, — говорю я. — Где же ещё?

— Яйца из магазина для такого дела не годятся, — говорит мама. — Для цыплят нужны самые свежие яйца, которые курица недавно снесла, а из тех яиц, которые долго лежали, цыплята уже не выводятся.

Я вернулся к Мишке и рассказал ему об этом. — Ах я разиня! — говорит Мишка. — Ведь и в книжке об этом написано. Совсем забыл!

Мы решили поехать на другой день в деревню к тёте Наташе, у которой мы жили в прошлом году на даче. У тёти Наташи свои куры, и мы были уверены, что достанем у неё самых свежих яиц.

На другой день

Вот как смешно получается в жизни! Ещё вчера мы и не думали никуда ехать, а на другой день мы уже сидели в поезде и катили в деревню к тёте Наташе. Нам хотелось поскорей привезти яиц и начать выводить цыплят. Поезд, как нарочно, тащился черепашьим шагом, и дорога нам показалась ужасно длинной. Это всегда так бывает: когда спешишь, то всё, как будто назло, делается медленно. Мы с Мишкой нервничали и боялись, что тётя Наташа куда-нибудь уйдёт и мы не застанем её дома.

Но всё обошлось благополучно. Тётя Наташа оказалась дома. Она очень обрадовалась нам и даже подумала, что мы уже приехали к ней на дачу.

— Да ведь у нас ещё каникулы не начинались, — говорит Мишка.

— Мы по делу приехали, — говорю я, — за яйцами.

— За какими яйцами?

— Ну, за обыкновенными, за куриными. Нам нужны свежие куриные яйца.

— Только и всего? — сказала тётя Наташа. — Неужели в городе негде купить яиц?

— Конечно, негде, — говорит Мишка. — Яйца-то в магазине есть, только они все несвежие.

— Как — несвежие? Не может быть, чтоб в магазине продавали несвежие яйца!

— Почему же не может быть? — говорит Мишка. — Как только курица снесёт яйцо, ведь его не везут сейчас же в магазин, правда?

— Правда.

— Вот то-то и есть! — обрадовался Мишка. — Яйца собирают, чтоб получилось сразу много; может быть, целую неделю собирают, а то и две, и только тогда везут в магазин.

— Ну и что же? — говорит тётя Наташа. — Не могут же яйца за две недели испортиться.

— Как — не могут? У нас в книжке ясно написано, что если яйца пролежали больше десяти дней, то из них уже цыплята не выводятся.

— Цыплята — это другое дело, — сказала тётя Наташа. — Для цыплят нужны самые свежие яйца, а в пищу годятся яйца, которые лежали и месяц и два... Вы ведь не собираетесь выводить цыплят?

— Почему не собираемся? Мы как раз собираемся. Затем и приехали, — говорю я.

— Как же вы будете их выводить? — спрашивает тётя Наташа. — Для этого ведь наседка нужна.

— А мы без наседки — мы инкубатор сделали.

— Инкубатор сделали? Вот чудеса! Да зачем вам инкубатор понадобился?

— Ну, чтоб цыплят выводить.

— А цыплята зачем?

— Так просто, — говорит Мишка. — Без цыплят как-то скучно. У вас тут небось всё есть: куры, гуси, коровы, свиньи, а у нас ничего нет.

— Потому что у нас тут деревня. А в городе кто же станет коров держать?

— Ну, коров, конечно, никто не станет, а вот мелкую какую-нибудь скотину, наверно, можно.

— В городе и с мелкой скотиной замучишься! — засмеялась тётя Наташа.

— Почему — замучишься? — говорит Мишка. — У нас в доме один человек живёт и держит птиц. У него в клетках разные птицы живут: чижики, канарейки, щеглы и даже скворцы.

— Ну, так у него птицы в клетках сидят. Разве вы станете держать цыплят в клетках?

— Нет, цыплят можно держать просто на кухне. Уж мы подыщем им хорошее место. Только вы дайте нам самых хороших яиц, самых что ни на есть свежих, потому что из плохих яиц цыплята не выводятся.

— Дам, дам, — сказала тётя Наташа. — Уж я знаю, какие вам яйца нужны: такие, что под наседку кладут. У меня недавно занеслись куры, так что яйца будут самые свежие.

Тётя Наташа пошла на кухню и отобрала полтора десятка яиц. Все они были как на подбор: чистенькие, беленькие, без единого пятнышка. Сразу видно, что самые свежие. Она положила яйца в корзинку, которую мы привезли с собой, а сверху накрыла тёплым платком, чтоб они не простудились в дороге.

— Желаю вам успеха! — сказала тётя Наташа. На дворе уже стало темнеть, и мы с Мишкой поспешили обратно на станцию.

Домой мы вернулись в двенадцатом часу ночи. Мама принялась бранить меня за то, что я задержался так поздно. Мишке тоже досталось от его мамы. Но это всё ничего! Досаднее всего было то, что в этот день мы уже не могли начать выводить цыплят. Пришлось это дело отложить на завтра.

Начало

На другой день, вернувшись из школы, мы принесли на кухню корзину и уложили яйца в инкубатор. Места оказалось достаточно, даже ещё немного осталось.

Мы накрыли инкубатор крышкой, вставили в отверстие градусник и уже хотели зажечь лампу, но тут Мишка сказал:

— Надо подумать, всё ли мы правильно сделали. Может быть, сначала надо нагреть инкубатор, а потом класть в него яйца?

— Вот этого я уж не знаю, — говорю я. — Надо почитать. Наверно, в книге написано.

Мишка взял книгу и стал читать. Читал, читал, потом говорит:

— Ты знаешь: мы чуть не задушили их!

— Кого?

— Яйца. Они, оказывается, живые.

— Что ты! Яйца живые? — удивился я.

— Правда, правда! Вот почитай: «Яйца — это живые существа. Только жизнь незаметна в них. Она как будто дремлет внутри яйца. Но, если яйцо начать нагревать, жизнь пробуждается, и внутри яйца станет развиваться зародыш, который постепенно превращается в маленького птенца. Как и все живые существа, яйца дышат...» Понял? Мы с тобой дышим, и яйца дышат.

— Сказки! — говорю я. — Мы с тобой дышим ртом, а яйца чем дышат? Где у них рот?

— Мы с тобой дышим не ртом, а легкими, — говорит Мишка. — Воздух попадает к нам в

легкие через рот, а яйца дышат прямо через скорлупу. Воздух проходит сквозь скорлупу, и они дышат.

— Ну и пусть себе дышат, — говорю я. — Разве мы не даём им дышать?

— Да как же они могут дышать в коробке? Ведь при дыхании выделяется углекислый газ. Если ты залезешь в коробку и тебя в ней закрыть, то от твоего дыхания в коробке накопится много углекислого газа, и ты задохнёшься.

— Зачем же я полезу в коробку? Очень мне нужно задышаться! — говорю я.

— Конечно, ты не полезешь... А яйца-то мы куда кладём? В коробку. Вот они и задохнутся в коробке.

— Что же нам делать?

— Надо устроить вентиляцию, — говорит Мишка. — В настоящих инкубаторах всегда делают вентиляцию.

Мы осторожно вынули из коробки все яйца и сложили их в корзину. Потом Мишка принёс сверло и провертел в инкубаторе несколько маленьких дырочек, чтобы углекислый газ мог выходить наружу.

Когда всё было сделано, мы уложили яйца обратно в коробку и снова накрыли крышкой.

— Постой, — говорит Мишка. — Мы ведь так и не узнали, что нужно сделать сначала: нагреть инкубатор или положить яйца.

Он снова принялся читать книжку. Потом говорит:

— Опять у нас чепуха получается. Тут написано, что в инкубаторе должен быть влажный воздух, потому что если воздух будет сухой, то из яиц сквозь скорлупу будет испаряться много жидкости и зародыши могут погибнуть. В инкубатор всегда помещают сосуды с водой. Вода испаряется из сосудов, и воздух становится влажным.

Мы снова вынули из инкубатора яйца и решили поставить в него два стакана с водой. Но стаканы оказались слишком высокими, и крышка не закрывалась. Мы стали искать какую-нибудь другую посуду, но ничего подходящего не было. Тут Мишка вспомнил, что у его младшей сестрёнки Майки есть игрушечная деревянная посуда, и говорит:

— Может быть, взять у Майки чашки от этой посуды?

— Верно! — говорю я. — Тащи!

Мишка разыскал Майкину посуду и взял четыре деревянные чашки. Они оказались подходящими. Мы налили в них воды и поставили в инкубатор — в каждый угол по чашке — и стали укладывать яйца. Но теперь чашки заняли место, и все яйца не помещались. Укладывалось только двенадцать яиц, а три яйца никак не помещались.

— Ну ладно, — говорит Мишка. — Хватит с нас двенадцати цыплят. Куда нам больше? На них корма сколько понадобится.

Тут пришла Майка, увидела в инкубаторе свои чашки и подняла крик.

— Послушай, — говорю я, — мы ведь не навсегда берём. Через двадцать один день отдадим обратно, а за это, если хочешь, подарим тебе три яйца.

— Зачем мне яйца? Они пустые!

— Нет, не пустые. Они с желтком и с белком — всё как следует.

— Если б они с цыплятами были!

— Ну, мы подарим тебе одного цыплёнка, когда выведутся.

— А не обманете?

— Нет, не обманем.

Майка согласилась, и мы её выпроводили.

— Теперь иди себе, — говорим, — нам надо заниматься делом. Мы тут и без тебя не разберём, с чего начинать: то ли положить в инкубатор яйца, а потом нагревать, то ли сначала нагреть, а потом положить.

Мишка снова засел за книжку и вычитал, что можно делать и так и так.

— Тогда включай электричество, и приступим к делу, — говорю я.

— Даже как-то приступить страшно, — говорит Мишка. — Включай лучше ты: я несчастливый.

— Почему же это ты такой несчастливый?

— Мне не везёт в жизни. Я за какое дело ни возьмусь, обязательно неудача будет.

— У меня ведь тоже всегда неудачи — говорю я. Мы стали припоминать разные случаи из нашей жизни, и оказалось, что мы оба страшные неудачники.

— Нельзя нам начинать такое дело, — говорит Мишка, — всё равно ничего не выйдет.

— Может быть, позвать Майку? — предложил я. Мишка позвал Майку:

— Слушай, Майка, ты счастливая?

— Счастливая.

— У тебя какие-нибудь неудачи были в жизни?

— Не было.

— Вот это хорошо! Видишь в ящике лампочку, которая стоит на книжках?

— Вижу.

— Ну-ка, подойди и поверни выключатель.

Майка подошла к инкубатору и зажгла лампу.

— А теперь что? — спрашивает.

— А теперь уходи и не мешай нам.

Майка обиделась и ушла. Мы поскорее накрыли инкубатор крышкой и стали следить за градусником. Сначала ртуть в градуснике стояла на восемнадцати градусах, потом медленно стала двигаться вверх, добралась до двадцати градусов, полезла немножко быстрее, добралась до двадцати пяти градусов, потом — до тридцати, потом стала двигаться медленнее. За полчаса она поднялась до тридцати шести градусов и застыла на месте. Я

подложил под лампу ещё одну книжку, и ртуть снова начала подниматься. Она долезла до тридцати девяти градусов, но не остановилась на месте, а полезла ещё выше.

— Стоп! — говорит Мишка. — Смотри: сорок градусов! Ты слишком толстую книжку подложил.

Я поскорее вынул эту книжку и подложил другую, потоньше.

Ртуть в градуснике постояла на месте и начала опускаться. Опустилась до тридцати девяти градусов и поехала ещё ниже.

— А эта книжка слишком тонкая, — говорит Мишка. — Сейчас я тетрадку принесу.

Он быстро принёс тетрадь и сунул её под лампу. Ртуть стала опять подниматься, дошла до тридцати девяти градусов и остановилась.

Мы не отрываясь смотрели на градусник. Ртуть спокойно стояла на месте.

— Ну вот, — прошептал Мишка, — теперь такая температура должна держаться двадцать один день. Удержим?

— Удержим, — говорю я.

— Смотри, если не удержим, то всё пропало.

— Почему не удержим? Удержим!

Мы сидели возле инкубатора до конца дня. Даже уроки стали делать на кухне. Градусник всё время исправно показывал тридцать девять градусов.

— Хорошо идёт дело! — радовался Мишка. — Если всё будет благополучно, то через двадцать один день у нас будут цыплята. Целых двенадцать штук. Весёлая будет семейка!

Температура падает

Не знаю, как остальные ребята, но я в воскресенье люблю подольше поспать. В школу не нужно идти, спешить некуда. Раз в неделю можно поваляться в постели. Ничего плохого в этом нет, я думаю. Как раз на другой день было воскресенье, но я почему-то проснулся рано. Солнышко ещё не взошло, но на дворе уже было светло. Я решил полежать ещё немного и вдруг вспомнил про инкубатор. Меня как будто подбросило на постели. Я быстро оделся, побежал к Мишке и принялся звонить у двери. Мишка сейчас же отворил дверь и зашипел на меня:

— Тссс! Всех перебудишь! Утро, а он тут трезвонит как угорелый!

— Он был ещё не одет: в нижней рубашке и босиком.

— Но ведь ты уже встал? — говорю я.

— «Встал»! — буркнул Мишка. — Ещё и не ложился.

— Почему?

— Да всё вот из-за него, из-за инкубатора.

— А что с ним случилось?

— Да всё падает.

— Почему же он падает? Мы ведь его прочно установили.

— Да не инкубатор падает, голова! Температура, говорю, падает.

— А температура почему падает?

— Спроси у неё! Я лёг спать, всё было в порядке, только я долго не мог заснуть. Всё лежал и мечтал о цыплятах. Потом думаю: «Дай-ка пойду посмотрю, как там инкубатор работает». Прихожу на кухню, смотрю... Батюшки-матушки — тридцать восемь с половиной градусов! Я поскорей подложил под лампу ещё одну тетрадку. Подождал. Температура поднялась до тридцати девяти градусов. «Ну, — думаю, — хорошо, что я не заснул, а то погибли бы наши цыплята». Решил посмотреть, что дальше будет. Сижу, значит, жду. Час жду, два жду — температура нормальная. Мне надоело без дела сидеть. Взял книжку и стал читать. Зачитался и забыл про градусник. Вдруг смотрю — снова тридцать восемь с половиной градусов. Опять на полградуса упала! Я скорей ещё одну тетрадку под лампу. Температура опять выровнялась. Вот видишь, сейчас пока держится, а что дальше будет, не знаю.

— Ты теперь ложись спать, а я пока подежурю у инкубатора, — предложил я.

— Куда теперь спать! — говорит Мишка. — Уже на дворе утро.

Он вернулся потихоньку в комнату, принёс свою одежду и принялся одеваться. Надел брюки, рубашку, зашнуровал ботинки, потом лёг на кушетку и захрапел. «Ну, — думаю, — пусть поспит. Человек ведь не может так, чтоб совсем не спать».

Я уселся возле инкубатора и стал следить за градусником.

Потом мне стало скучно, я взял книжку про птицеводство и стал читать, как нужно следить за инкубатором. В книжке говорилось о том, что если яйца будут лежать в инкубаторе неподвижно, то зародыши в них могут прилипнуть внутри к скорлупе. От этого получаются кургузые, кривобокие, недоразвитые цыплята и даже задохлики, то есть совсем дохлые. Для того чтобы зародыши не прилипали внутри к скорлупе, яйца в инкубаторе нужно через каждые три часа переворачивать на другую сторону.

Я поскорее открыл инкубатор и начал переворачивать яйца на другой бок.

Тут Мишка проснулся, увидел, что я открыл инкубатор, и как закричит:

— Ты что там делаешь, а?

Я испугался от неожиданности и чуть не уронил яйцо.

— Ничего, — говорю.

— Как — ничего? Ты зачем инкубатор открыл? Сказано, тебе, что нужно двадцать один день ждать! Может быть, ты думаешь, что цыплята на другой день выведутся?

— Ничего я не думаю... — говорю я и хочу объяснить, что яйца нужно переворачивать через каждые три часа.

Но Мишка ничего слушать не хочет и орёт во всё горло:

— Закрой, говорят! Что за наказание! Уж на минуточку заснуть нельзя! Чуть только заснёшь, так он сейчас же в инкубатор лезет, чтоб посмотреть на яйца!

— Да зачем мне на них смотреть? — говорю я.

Тут Мишка подскочил и закрыл крышку, но я всё же успел перевернуть все яйца. На крик пришли Мишкины папа и мама.

— Что тут за шум? — спрашивают.

— Да вот этот умник открыл инкубатор, — говорит Мишка.

Тут я стал объяснять, что нужно переворачивать яйца, так как могут получиться задохлики.

— Какие задохлики? — кричит Мишка. — Почему у курицы не получаются задохлики?

— Курица всегда переворачивает яйца, когда высиживает цыплят, — сказала Мишкина мама.

— Откуда она знает, что яйца нужно переворачивать? Курица глупая, — говорит Мишка.

— Не такая уж глупая, — ответила мама. Мишка задумался.

— А я ведь и сам видел, как наседка переворачивала яйца! — сказал наконец он. — То-то я думал, зачем она ворочает их своим носом?

Мишкин папа засмеялся.

— Эх, ты! — сказал он. — Разве у курицы нос?

— Ну клюв. Какая разница — нос или клюв?

Температура повышается

Часам к десяти ртуть в градуснике почему-то поднялась на полградуса, так что на этот раз нам пришлось вытащить одну тетрадку и опустить лампу.

— Что за история с этой температурой? — удивлялся Мишка. — Ночью она всё опускалась, а теперь почему-то полезла вверх.

До обеда нам ещё раз пришлось опустить лампу, так как температура опять повысилась.

После обеда Мишка прилёг на кушетке и снова заснул. Мне было скучно одному сидеть — я принёс свои альбом для рисования и принялся рисовать Мишку, как он спит на кушетке. Спящих легче всего рисовать, потому что они лежат спокойно и не шевелятся.

Тут к нам пришёл Костя Девяткин. Он увидел, что Мишка спит, и спрашивает:

— Что это у него, сонная болезнь?

— Нет, — говорю, — это он так просто спит. Костя принялся тормошить Мишку за плечо и как закричит:

— Вставать пора!

Мишка вскочил как ошпаренный.

— А? Что? Уже утро? — спрашивает.

— Какое утро? — засмеялся Костя. — Скоро вечер уже. Вставай скорей, пойдём гулять. Посмотри, солнышко светит! Весна! И воробьи поют.

— Нам гулять теперь некогда. У нас дело, — говорит Мишка.

— Какое дело?

— Очень, брат, важное дело.

Мишка подошёл к инкубатору, взглянул на градусник и как закричит на меня:

— А ты что тут сидишь, как коза на базаре? Не видишь, что делается!

Я посмотрел на градусник — опять тридцать девять с половиной градусов!

Мишка поскорее понизил лампу.

— Если б я не проснулся, ты, наверно, до сорока бы догнал! — продолжал кричать он.

— Я же не виноват, что ты спишь всё время.

— А я виноват, что я ночью не спал?

— Ну и я, — говорю, — не виноват. Костя увидел инкубатор и спрашивает:

— Что это вы, опять паровую машину делаете?

— Что ты! Разве паровая машина такая?

— А что это?

— Угадай.

— Гм... — сказал Костя и почесал затылок. — Наверно, паровая турбина.

— Нет, не угадал.

— Ну, тогда какой-нибудь реактивный двигатель. Мы с Мишкой рассмеялись:

— Сто лет будешь гадать — не догадаешься!

— Что же это такое?

— Инкубатор.

— Ах, инкубатор! Вот оно что! А что он делает, этот инкубатор?

— Как — что? — удивился Мишка. — Цыплят выводит.

— А, понимаю, понимаю! Из чего же он их выводит?

— «Из чего!» — фыркнул презрительно Мишка. — Из яиц, конечно. Из чего же ещё?

— Ах, из яиц! Ну конечно! Он вместо курицы их высиживает. Это я знаю, только я думал, что он не инкубатор, а индюкатор или курбюратор — забыл, как называется. Он, значит, называется инкубатор... А где же яйца?

— Яйца вот здесь, в коробке.

— А ну покажи.

— Ну, уж если каждому показывать, то наверняка никаких цыплят не получится! Подожди, когда наступит время переворачивать яйца, тогда и увидишь.

— Когда же вы будете переворачивать?

Мы с Мишкой стали высчитывать, и оказалось, что яйца нужно будет переворачивать в восемь часов вечера.

Костя остался ждать. Мишка принёс шахматы, и мы стали играть. Только если сказать по правде, то играть втроём в шахматы — это самое последнее дело, потому что играть могут только двое, а третий сидит и подсказывает то одному, то другому. Из этого никогда ничего хорошего не получается. Если ты выиграешь, то тебе говорят, что ты выиграл потому, что тебе помогали. А если проиграешь, то над тобой смеются и говорят, что ты проиграл, несмотря на то что тебе подсказывали. Нет, лучше всего играть в шахматы вдвоём, когда никто не мешает.

Наконец пробило восемь часов. Мишка открыл инкубатор и стал переворачивать яйца. Костя сосчитал их и говорит:

— Одиннадцать яиц. Значит, одиннадцать цыплят будет?

— Как — одиннадцать? — удивился Мишка. — Ведь было двенадцать! Неужели одно яйцо кто-то стащил? Что за наказание! Не успеешь заснуть, как яйцо стащат!.. А ты что тут смотрел? — набросился он на меня.

— Да я, — говорю, — никуда не уходил. Надо пересчитать: может, Костя просто ошибся.

Мишка принялся пересчитывать яйца, и у него получилось тринадцать.

— Ну вот! — заворчал он. — Теперь даже лишнее одно оказалось. Кто его сюда сунул?

Тогда я сосчитал яйца, и получилось ровно двенадцать.

— Эх вы, — говорю, — арифмометры! Двенадцать яиц сосчитать не могут!

— Постойте, — говорит Мишка. — Совсем вы меня запутали! Я одно яйцо не перевернул, только не помню какое.

Он задумался, а тут прибежала Майка, высмотрела в инкубаторе самое большое яйцо и говорит:

— Вот из этого вот яйца когда выведется цыплёнок, мой будет.

Мишка рассердился и вытолкнул её за дверь:

— Если ты ещё хоть раз придёшь мешать нам, никакого цыплёнка не получишь! Майка расхныкалась:

— Там мои чашечки стоят! Я имею право смотреть!

— Вот я тебе покажу, какое у тебя право! — сказал Мишка и закрыл дверь.

— Что же теперь делать? — говорю я. — Может, снова перевернуть все яйца?

— Нет, лучше не надо, а то перевернём их опять на ту сторону, на которой они уже лежали. Пусть лучше одно неперевернутое лежит. В следующий раз надо внимательнее быть.

— А вы поставьте на яйцах отметки, вот и будет видно, какое яйцо перевернуто, какое нет, — предложил Костя.

— А какие отметки ставить? — спросил Мишка.

— Поставь просто крестики.

— Нет, я лучше номера напишу.

Мишка взял карандаш и написал на всех яйцах номера — от первого до двенадцатого.

— Теперь, когда будем переворачивать, всё номера будут снизу, а в следующий раз номера опять будут сверху. Так и пойдёт без ошибок, — сказал Мишка и закрыл инкубатор.

Костя собрался уходить, домой. Мишка ему говорит:

— Только ты в школе никому не рассказывай, что у нас инкубатор.

— Почему?

— Ребята станут смеяться.

— Что ж тут смешного? Инкубатор — очень полезная вещь. Над чем тут смеяться?

— Знаешь, какие ребята: скажут — мы, как наседки, высиживаем цыплят. А вдруг ничего не выйдет? Тогда совсем засмеют.

— Почему же не выйдет?

— Мало ли что может случиться... Это ведь трудное дело. Может быть, мы что-нибудь не так делаем. Так что ты помолчи.

— Ладно, — ответил Костя. — Не беспокойтесь, я буду молчать как рыба.

Майка дежурная

— Ну как, всё в порядке? — спросил я на следующее утро Мишку.

— В порядке. Только температура опять всю ночь понижалась.

— Ты опять, значит, всю ночь не спал?

— Нет. Теперь я стал хитрый! Я положил под подушку будильник, и он меня будил через каждые три часа.

— Почему же температура понижалась? Днём она повышалась, — говорю я.

— Я знаю, в чём дело, — говорит Мишка. — Ночью всегда прохладнее, и инкубатор охлаждается больше, а днём становится теплее, поэтому днём температура повышается, а ночью понижается.

— Как же нам быть? — спрашиваю я. — Мы ведь в школу уйдём. Кто будет следить за градусником?

— Может быть, попросить Майку? Мишка позвал Майку, и мы стали просить её, чтобы она

подежурила у инкубатора, пока мы будем в школе.

— Вчера за дверь вытолкали, а сегодня сами просите! Вот не буду дежурить! — сказала Майка.

— Послушай, — говорю я, — ведь цыплята погибнут. И твой цыплёнок погибнет. Мы ведь не для себя просим, а для цыплят.

Тогда она согласилась. И я принялся объяснять ей, что нужно делать.

— Вот это градусник, — сказал я. — Ртуть должна стоять точно на тридцати девяти градусах. Вот видишь две цифры: три и девять. Запомнишь?

— Запомню.

Чтоб она не забыла, я взял красный карандаш и отметил на градуснике, где должна находиться ртуть.

— Смотри хорошенько, не напутай, — говорю я. — Как только ртуть поднимется хоть чуточку выше, ты сейчас же вытащи из-под лампы одну тетрадку, тогда лампа опустится и ртуть тоже опустится в градуснике. Понятно?

— Понятно.

После этого я научил её переворачивать яйца и велел, как только пробьёт одиннадцать часов, открыть инкубатор и перевернуть все яйца.

Майка всё поняла. Я заставил её повторить задание. Она повторила всё правильно, и мы с Мишкой отправились в школу.

— Ну как, инкубатор действует? — спросил Костя, как только мы пришли в класс.

— Тише! — зашипел на него Мишка и оглянулся по сторонам.

— Да я ведь шёпотом спрашиваю.

— «Шёпотом, шёпотом»! — проворчал Мишка. — Орёт на весь класс.

— Ну молчу, молчу... А может быть, можно рассказать ребятам, а?

— Я тебе расскажу! Тогда и не приходи к нам. Мы тебе по дружбе сказали, а ты...

— Ну молчу, молчу. Знаешь, что я придумал? Я скажу на уроке естествознания Марье Петровне, что вы устроили инкубатор. Марья Петровна похвалит вас.

— Попробуй только! Ведь сейчас же все ребята услышат.

— Ну молчу, молчу. Как рыба молчу!

Костя зажал рот рукой и отошёл. Видно было, что язык у него так и чешется и ему хочется рассказать кому-нибудь про наш инкубатор.

Начались уроки. Мишка всё волновался. Ни минуты не мог посидеть спокойно.

— А вдруг Майка без нас там что-нибудь спутает?

— Что ж она может спутать?

— Ну, не уследит за градусником.

— Я ведь ей всё хорошо объяснил.

— А вдруг ей надоест сидеть дома и она пойдет гулять?

— Зачем же она пойдет, раз обещала сидеть?

— А вдруг она вытащит из инкубатора свои чашки?

— Не вытащит.

— А вдруг лампочка перегорит? Что тогда делать? На уроке естествознания Марья Петровна услышала, что мы с Мишкой всё время разговариваем, и рассадила нас на разные парты. Мишка сидел мрачный как туча и поглядывал на меня с другого конца класса. А тут Костя приложил ко рту руку и громко прошептал:

— Слушай! Я сейчас скажу Марье Петровне про инкубатор.

Мишка заёрзал на своём месте и прошипел:

— Вот я тебе скажу, изменник! Но Костя уже поднял руку.

— Что ты хочешь сказать? — спросила Марья Петровна.

Мишка пригрозил Косте кулаком.

— Марья Петровна, а что такое инкубатор? — задал вопрос Костя.

Марья Петровна начала рассказывать про инкубатор. Она сказала, что люди уже давно научились выводить цыплят без насекомых, нагревая до определённой температуры яйца. Ещё в древнем Египте и Китае, две тысячи лет назад, люди устраивали инкубаторы и выводили цыплят. Учёные, делая раскопки, находят в земле помещения, в которых древние египтяне устраивали свои инкубаторы. Конечно, тогда инкубаторы были небольшие и цыплят в них выводилось немного, но теперь у нас есть такие инкубаторы, в которые закладывают по несколько тысяч яиц.

— А у меня есть два знакомых мальчика, — сказал Костя. — Они сами сделали инкубатор. Как вы думаете, выведутся у них цыплята или нет?

— В самодельном инкубаторе получить цыплят можно, только это очень трудное дело, — сказала Марья Петровна. — В фабричных инкубаторах есть разные приспособления, которые регулируют температуру и влажность, а если инкубатор самодельный, то за всем надо внимательно следить. Если ребята старательные и дисциплинированные, то цыплята у них выведутся, а если такие, как наши Миша и Коля, то ничего не получится.

— Почему это у нас не получится? — не выдержал Миша.

— Потому что вы недисциплинированные: даже в классе не можете как следует посидеть, — сказала Марья Петровна и стала продолжать урок.

После уроков нас задержал Витя Смирнов и сказал, что сегодня наша очередь дежурить в живом уголке.

— Что ты, что ты! — замахал Мишка руками. — Какой там живой уголок! Нам некогда.

— Вам всегда некогда! Записались в кружок, а не ходите. Сейчас самое горячее время. Весна! Надо скворечники делать.

— Мы потом будем делать скворечни.

— Когда — потом? Скоро прилетят птицы.

— Не прилетят.

— Как так — не прилетят? Птицы не станут вас ждать.

— Ну немножечко-то подождать можно, — сказал Мишка.

И мы побежали домой.

Дома всё оказалось в порядке. Лампочка не перегорела, температура была нормальная.

Майка исправно сидела у инкубатора. Мы похвалили её и отпустили гулять.

Всё пропало

С тех пор у нас потекла настоящая трудовая жизнь. Днём и ночью нужно было следить за температурой и каждые три часа переворачивать яйца. Вода в консервной банке и деревянных чашечках быстро испарялась, так что часто приходилось подливать свежую воду. Дело как будто нетрудное, но всё время приходилось быть настороже. Как только зазеваешься, так сейчас же что-нибудь случится: или температура подскочит, или забудешь перевернуть яйца. Нельзя было ни на минуту забывать об инкубаторе.

Особенно трудно приходилось Мишке, потому что ему нужно было следить за инкубатором ночью. От этого он не высыпался и по целым дням ходил сонный, как осенняя муха. После обеда он часто засыпал на кушетке в кухне, и я всегда рисовал его, пока он спал.

Так прошло пять дней и пять ночей. На шестой день Мишка не выдержал и нечаянно заснул на уроке. За это ему досталось от Надежды Викторовны, и весь класс над ним смеялся.

Конечно, Мишке было обидно. Каждый любит посмеяться над кем-нибудь, но никто не любит, когда смеются над ним самим.

Всё было бы ничего, но как раз в этот день я принёс в школу свой альбом, чтобы показать ребятам, как я рисую. Ребята увидели рисунки и догадались, что у меня нарисован Мишка, который спал в самых разных позах: и лежа, и сидя, и чуть ли не стоя.

— Да ты у нас прямо чемпион по снанию! — сказал Мишке Лёша Курочкин.

— Мировой рекордсмен! — похвалил Сеня Бобров. — Спит, как лошадь, двадцать четыре часа в сутки!

Альбом пошёл по рукам. Все рассматривали его и помирали со смеху.

— Ты зачем притащил сюда этот идиотский альбом? — напустился на меня Мишка.

— Откуда же я знал, что ребята станут смеяться? — говорю я.

— Не знал! Нарочно, должно быть, подстроил, чтоб надо мной весь класс потешался! Хорош друг! Знать тебя не хочу больше!

— Честное слово, я не нарочно! Если б я знал, что так выйдет, не рисовал бы тебя, — оправдывался я.

Но Мишка дулся на меня весь день. Вечером он сказал:

— Вот возьми инкубатор и подежурь ночью, тогда узнаешь, как рисовать на меня карикатуры.

— Ну что же, — говорю я, — ты уже пять ночей отдежурил, теперь я отдежурю пять ночей. Будем дежурить по очереди.

Мы перенесли инкубатор ко мне, и с тех пор начались мои мучения.

С вечера я клал под подушку будильник, и ночью он начинал мне в самое ухо трещать. Я вставал, как лунатик, шёл на кухню, проверял температуру, переворачивал яйца и возвращался обратно. Часто я не мог сразу заснуть и долго ворочался на постели, а как только начинал засыпать, будильник снова трещал, и я готов был разбить его вдребезги, чтоб он не мешал мне спать.

Каждое утро я просыпался измученный и насилу вставал с постели. Одевался, как будто во сне, и даже не понимал, что я делаю: штаны начинал надевать через голову, рубашку натягивал вместо штанов. Один раз я даже перепутал ботинки и надел на правую ногу левый ботинок, а на левую — правый и в таком виде явился в класс.

Ребята заметили это и стали смеяться. Пришлось мне переобуваться во время урока.

Но самое большое несчастье произошло на десятую ночь. То ли я забыл завести будильник, то ли не слышал, как он прозвонил. С вечера я лёг и проснулся утром, когда было уже совсем светло. Сначала я даже не понял, что случилось, потом вспомнил, что ни разу не вставал ночью, и как ошпаренный бросился к инкубатору. Градусник показывал тридцать семь градусов. На целых два градуса меньше, чем нужно! Я поскорее сунул под лампу пару тетрадей и тут же подумал:

«Зачем я это делаю? Всё равно яйца остыли, и теперь, наверно, уже всё пропало! Десять дней мы трудились без отдыха; в яйцах, должно быть, развились большие зародыши, а теперь вот я всё это погубил!»

От досады мне хотелось отколотить самого себя, и я стукнул себя кулаком по макушке.

Ртуть в градуснике медленно поднималась и постепенно дошла до тридцати девяти градусов. Я печально смотрел на градусник и размышлял про себя:

«Ну вот, температура нормальная, яйца снаружи такие же, как и прежде, а внутри в них уже, наверно, нет жизни, и никогда из них не выведутся цыплята!»

Потом я стал думать, что, может быть, ничего опасного не случилось. Может быть, зародыши ещё не успели погибнуть. Но как узнать об этом? Единственный способ узнать — это продолжать нагревать яйца, и, если на двадцать первый день из них не выведутся цыплята, значит, они погибли. А может быть, они и не погибли. Об этом я узнаю только через одиннадцать дней.

«Вот тебе и получилась весёлая семейка! — горевал я. — Вместо двенадцати цыплят, наверно, ни одного не будет!»

Тут пришёл Мишка. Он посмотрел на градусник и весело сказал:

— Красота! Температура нормальная. Дело чудесно идёт! Теперь моя очередь по ночам дежурить.

— Нет, лучше я сам буду дежурить, — говорю я. — Зачем тебе мучиться напрасно?

— Почему — напрасно?

— А вдруг цыплята не выведутся?

— Ну что ж, если не выведутся... Не должен же ты один мучиться: раз мы друзья, то всё пополам.

Я не знал, что сказать Мишке. У меня не хватило смелости ему признаться, и я решил молчать, хотя это, конечно, свинство.

Сбор отряда

Костя ежедневно заходил к нам, а потом рассказывал ребятам, как идёт дело с высиживанием цыплят. Только он не говорил, что это мы с Мишкой устроили инкубатор. Он сочинил, что это какие-то другие ребята, из другой школы.

Однажды Витя Смирнов сказал:

— Ты бы познакомил меня с этими ребятами.

— А зачем тебе?

— Просто интересно посмотреть, что это за ребята такие. Вот нам бы таких в юннатский кружок! У нас сразу бы работа пошла. А то с такими ребятами, как Миша и Коля, ничего хорошего не выходит: дежурить не хотят, деревья нужно было сажать — не пошли, скворечен не делают...

— А они тоже деревья не сажали, — сказал Костя и подмигнул нам с Мишкой.

— Ну, они — это другое дело: у них и без деревьев забот небось по горло.

Витя и не догадывался, что Костя рассказывал про нас с Мишкой.

А у нас на самом деле было по горло забот: из-за этого инкубатора мы совсем запустили уроки и получили по арифметике двойки.

Меня вызвал Александр Ефремович и за то, что я не сумел решить задачу, поставил двойку. Потом он вызвал Мишку и поставил ему двойку с плюсом. Конечно, мы урока не знали, но всё-таки было как-то обидно получить плохие отметки.

— Тебе ещё не так обидно, — говорил Мишка, — у тебя просто двойка, а у меня двойка с плюсом.

— По-моему двойка с плюсом всё-таки лучше, чем просто двойка, — говорю я.

— Ничего ты не понимаешь! Ну скажи, если к двойке прибавить плюс, разве от этого она станет тройкой?

— Нет, она так и останется двойкой.

— Для чего же ставится плюс?

— Не знаю.

— А я знаю. Плюс ставят для того, чтобы ты не думал, что тебя напрасно обидели. Вот — даже плюсики для тебя не пожалели! На сколько ответил, столько и поставили.

— Что же тут обидного?

— Как «что обидного»? Обидно то, что тебя считают глупым. Умному человеку можно поставить просто двойку — он и так поймет, что ничего не знает, а глупому нужно поставить двойку с плюсом, чтоб он не воображал, будто его обижают напрасно. То-то и обидно, что тебя считают глупым. А то ещё бывает двойка с минусом, — говорил Мишка. — Какой здесь смысл? Двойка означает, что ты ничего не знаешь. А разве можно знать меньше, чем ничего?

— Нельзя! — согласился я.

— Вот видишь! — обрадовался Мишка. — Двойка с минусом означает, что ты не только ничего не знаешь, но и не хочешь ничего знать. Если ты просто не выучил урока, тебе поставят двойку, а если ты известный лодырь, то тебе нужно закатить двойку с минусом, чтобы ты почувствовал. А то ещё бывает единица... — продолжал разглагольствовать он.

Но ему так и не удалось рассказать о единице, потому что Александр Ефремович рассадил нас на разные парты.

На последней перемене Женя Скворцов сказал:

— После уроков останьтесь, ребята! Будет сбор отряда.

— Мы не можем: нам некогда, — сказали мы с Мишкой.

— Нужно остаться, — сказал Женя, — будет о вас вопрос.

— Почему о нас? Для чего о нас вопрос ставить? Что мы такое сделали?

— На отряде поговорим, — сказал Женя.

— Ишь ты! — сказал Мишка. — Что это ещё такое: не успеешь получить двойку, как уж о тебе вопрос! Думает, он председатель отряда, так может обо всех вопросы ставить! Ничего, вот он получит когда-нибудь двойку, пусть и о себе ставит вопрос.

— Он не получит: он хорошо учится, — говорю я.

— А ты что его защищаешь?

— Да я не защищаю.

— Вот, придётся теперь оставаться! — говорит Мишка.

— Ничего, — говорю я. — Майка за инкубатором посмотрит.

После уроков мы остались на сбор отряда.

— Сегодня у нас вопрос об успеваемости и дисциплине, — сказал Женя Скворцов. — За последнее время некоторые ребята недисциплинированно ведут себя на уроках: вертятся, разговаривают, мешают другим. Особенно отличаются этим Миша и Коля. Их уже несколько раз рассаживали за это. Куда это годится? Это ведь безобразие! А сегодня совсем отличились: получили по двойке.

— И совсем не по двойке! У меня двойка с плюсом, — сказал Мишка.

— Невелика разница! — ответил Женя. — У вас и по другим предметам стали отметки хуже.

— У нас по другим нет двоек, только по русскому у меня тройка, — ответил Мишка.

— У него тройка с минусом, — подсказал Ваня Ложкин.

— А ты не лезь, когда не спрашивают! — сказал Мишка.

— Почему — не лезь? Я имею право высказываться: у нас сбор отряда.

— Так возьми слово и высказывайся.

— И возьму! Думаешь, не возьму!.. Ребята, я считаю, что у них плохая успеваемость потому, что они не учат дома уроков. Им что-то мешает учиться. Пусть они скажут, что им мешает.

— Ну, что вам мешает учиться? — спросил Женя Скворцов.

— Ничего нам не мешает, — ответил Мишка.

— Я знаю, что им мешает, — сказал Лёша Курочкин, — они разговаривают, и не слушают уроков, а дома тоже плохо готовятся. По-моему, их надо навсегда рассадить, чтоб они не разговаривали.

— За что нас рассаживать? — сказал Мишка. — Мы дружим... За то, что мы дружим, нас рассаживать?

— А что с вами делать, если вам дружба во вред? — сказал Сеня Бобров.

Тут Костя вступился за нас:

— Разве дружба может быть во вред? Дружба никогда не во вред.

— А у них такая дружба — что один, то и другой: один разговаривает, и другой разговаривает; один не хочет делать уроки, и другой тоже; один получил двойку, и другой тут же. Рассадить их, и дело с концом! — сказал Витя Смирнов.

— Пойдите, ребята, — сказал Костя. — Рассадить всегда успеем. Может быть, им помочь надо? Может быть, им делать уроки некогда?

— Почему же им некогда?

— Ну, может быть, они каким-нибудь важным делом занимаются.

— Каким это важным делом? — засмеялся Сеня Бобров.

— А может быть, они инкубатор делают!

— Они? Инкубатор? — удивился Сеня.

— А ты что думаешь? Может быть, они ночей недосыпают — за температурой следят! Может быть, они целый день трудятся, а мы их ругаем! Может быть...

— Да что ты «может быть» да «может быть»! — рассердился Женя. — Что они, на самом деле инкубатор сделали?

— Сделали, — сказал Костя.

— Это они с тех ребят собезьянничали, про которых ты рассказывал, — сказал Витя.

— Нет, — сказал Костя, — это они и есть те ребята, про которых я говорил.

— Они?

— Ну да.

— Да ведь ты говорил, что они в другой школе?

— Ну, это я так говорил.

Тут все обступили нас с Мишкой:

— Так это вы сделали инкубатор? А Витя Смирнов сказал:

— Это безобразие! Так настоящие юннаты не поступают! Сделали инкубатор и молчат... Эта работа ведь всех ребят интересует. Чего вы секретничаете?

— Да мы думали — вы будете смеяться, — говорим мы с Мишкой.

— Над чем же тут смеяться? Что тут смешного? Наоборот, мы бы помогли вам. Устроили бы дежурство. Вам бы легче было и учились бы лучше.

— Ребята, — сказал Вадик Зайцев, — давайте возьмем шефство над инкубатором.

— Правильно! — закричали все.

Витя сказал, что зайдет к нам после обеда, мы составим список дежурных и условимся насчёт шефской работы. На этом сбор отряда закончился.

Шефская работа

После обеда у нас на кухне собрался почти весь юннатский кружок. Мы показали ребятам наш инкубатор, рассказали, как производится нагревание, как мы проверяем температуру, как переворачиваем яйца. Потом мы стали обсуждать, как организовать дежурство. Витя Смирнов предложил написать правила для дежурных. Вот какие у нас получились правила.

Двое дежурных приходят в назначенный день после школы, получают от нас с Мишкой указания, что нужно делать, и остаются возле инкубатора до конца дня. Обедать и делать уроки дежурные ходят по очереди. Дежурные обязаны следить, чтобы мы с Мишкой не вертелись возле инкубатора, а делали вовремя уроки.

Потом Витя составил список дежурных и назначил, кому какого числа дежурить. Этот список мы повесили на стенку.

— А почему нас нет в списке? — говорит Мишка. — Мы ведь тоже хотим дежурить.

— Так вам ведь придётся следить за инкубатором ночью, — сказал Витя, — ночью-то некому будет дежурить. После этого Женя выпроводил от нас всех ребят.

— Можете уходить, ребята, — сказал он. — Останутся только дежурные, а остальным нечего мешать.

Ребята разошлись. Остались дежурные Женя и Витя да мы с Мишкой.

— И вы уходите, — сказал нам Женя.

— Куда же нам уходить? — говорим мы.

— Идите делать уроки.

— А вдруг тут что-нибудь случится!

— Ничего не случится. Если что-нибудь случится, я вас позову.

— Ну, так позови обязательно.

Пришлось нам с Мишкой засесть за уроки. Мы сделали упражнение по русскому, выучили географию и по арифметике решили одну задачу, а другая оказалась трудная. Мы её на потом отложили и явились на кухню.

— Ну, чего вы пришли? Вам ведь сказано, чтоб вы занимались!

— А мы уже всё сделали.

— Ну-ка, покажите тетрадки.

— Что это ещё за проверка? — говорит Мишка.

— Ну, мы ведь взяли над вами шефство — значит, всё нужно проверить.

Мы принесли тетрадки.

— Почему же только одну задачу решили? Две ведь задано.

— Мы другую потом решим.

— Нет, уж если делать, так сразу. Сейчас не решили, а потом забудете и явитесь в школу с пустыми тетрадками.

— Почему — с пустыми? По одной задачке всё-таки сделали.

— Уж если делать, то до конца, — сказал Женя. — Знаете пословицу: «Кончил дело — гуляй смело».

Пришлось нам вернуться и засесть за задачу. Но она у нас всё не сходилась с ответом. Мы побились над нею с час и вернулись на кухню. * * *

— Не выходит задачка, — говорит Мишка. — Мы всё правильно сделали, а с ответом не сходится. Наверно, в книжке ответ неправильный.

— Нечего тут на книжку пенять! — говорит Женя.

— Честное слово, у меня уже был случай, когда в книжке оказался ответ неверный.

— Не может быть! — говорит Женя. — Сейчас проверим. Он пошел с нами в комнату и стал проверять задачу. Бился, бился — всё правильно, а ответ не сходится.

— Вот видишь, я говорил! — радовался Мишка. Но Женя сказал, что не сойдет с места, пока не найдёт ошибку. Стал проверять снова и наконец нашёл.

— Вот она, — говорит. — Семью семь сколько, по-вашему, будет?

— Сорок девять.

— А у вас что написано? Двадцать один!

Он исправил ошибку, и всё получилось правильно.

— Это у вас от невнимательности, — сказал он и вернулся к инкубатору.

Мы переписали задачку начисто и снова пошли на кухню.

— Мы уже всё сделали, — говорим мы.

— Ну, тогда идите гулять. На воздухе тоже бывает полезно.

Мы с Мишкой обиделись и пошли во двор. Погода была хорошая. Ребята во дворе затеяли игру в волейбол, мы тоже присоединились к ним, а потом зашли к Косте Девяткину, а к нему пришёл Вадик Зайцев, и мы вчетвером до самого вечера играли в лото и другие разные игры. Домой мы вернулись поздно и застали на кухне, кроме Жени и Вити, Ваню Ложкина. Он, оказалось, отпросился у мамы дежурить на ночь.

— Что же это такое, — говорит Мишка, — значит, теперь нам вовсе никогда не придётся дежурить! Сегодня ты, а завтра другой кто-нибудь отпросится. Я так не согласен!

— Ну ладно, — сказал Витя, — я вас запишу в список наравне с остальными.

И приписал нас в список самыми последними. Мы с Мишкой начали высчитывать, когда наша очередь будет дежурить, и оказалось, что нам попало самое счастливое дежурство, то есть на двадцать первый день. Как раз в тот самый день, когда цыплята выведутся!

Последние приготовления

Наконец-то мы с Мишкой вздохнули свободно! Раньше мы были как будто привязанные к инкубатору. Нам приходилось постоянно думать, как бы не прозевать чего-нибудь, и всё время быть начеку. Всякое другое дело было для нас помехой, и ничто нам не лезло в голову. Зато теперь работа прекрасно шла и без нас.

Мы стали активно работать в юннатском кружке: дежурили в живом уголке, сделали две скворечни и повесили их у нас в саду на деревьях, работали на пришкольном участке — сажали цветы и деревья. А самое главное то, что теперь мы исправно делали уроки. И моя и Мишкина мама видели, что мы стали лучше учиться, и они были довольны, что к нам приходят ребята и помогают следить за инкубатором.

На занятии кружка юннатов Марья Петровна рассказала нам, как подготовиться к приёмке новорождённых цыплят, и посоветовала посеять какую-нибудь траву, чтобы у наших цыплят был свежий зелёный корм. Она сказала, что лучше всего посеять овёс, потому что он очень питательный и быстро растёт.

Все стали думать, где бы достать овса.

— Надо поехать на птичий рынок, — предложил Ваня Ложкин. — Там продается разный птичий корм. Может быть, и овёс есть. * * *

После уроков Ваня и Женя поехали на птичий рынок и часа через два вернулись с полными карманами овса.

— Купили? — обрадовались мы.

— Что вы! Разве его где купишь? Овса нигде нет. Мы обошли весь рынок — всё продается: и конопля, и просо, и репейное семя, а овса нет. Мы уже хотели ехать домой, но решили пойти посмотреть на кроликов. Пришли туда, а там стоит лошадь и ест овёс прямо из мешка. Ну, мы и попросили немного овса.

— Как, у лошади попросили? — удивился Мишка.

— Да не у лошади, умник! У колхозника. Он на этой лошади привёз кроликов продавать. Хороший колхозник попался! Только сначала не хотел давать овса. «Зачем вам овёс?» — спрашивает. А мы говорим: «Для цыплят». Он говорит: «Цыплят овсом не кормят». Тогда мы объяснили ему, что хотим посеять овёс, чтоб из него трава выросла. Тогда он говорит: «Берите». Ну мы и набрали в карманы.

Ваня и Женя высыпали из карманов овёс.

Мы быстро сколотили из фанеры два плоских ящика, насыпали в них земли, налили воды и размешали так, чтоб получилась как будто жидкая грязь.

Потом набросали прямо в эту грязь зёрен овса, ещё раз хорошенько перемешали и поставили ящики под печку, чтобы зёрнам было теплее.

Марья Петровна рассказала нам, что зёрна растений, так же как яйца птиц, — живые существа. Жизнь тоже дремлет внутри зерна, но, когда зерно попадает в тёплую, влажную землю, жизнь пробуждается в нём и начинает развиваться. Как и всякие живые существа, зёрна могут умереть, и такие зёрна уже не могут взойти.

Мы очень боялись, как бы наши зёрна не оказались такими «мёртвыми», и поминутно заглядывали в ящики. Прошло два дня — зёрна не проросли. На третий день мы заметили, что земля в ящиках потрескалась и как-то подозрительно вспучилась.

— Что это? — удивился Мишка. — Кто это тут навредил?

Кто расковырял землю?

— Никто не ковырял! — ответил ему Лёша Курочкин, который в этот день был дежурным вместе с Сеней Бобровым.

— Почему же земля словно вспаханная? — закричал Мишка. — Это вы, наверно, тут ковырялись, чтоб посмотреть на зёрна!

— Да не ковырялись мы, — говорит Сеня. — Зачем нам на них смотреть?

Я приподнял комочек земли и нашёл под ним овсяное зёрнышко. Оно сильно разбухло и лопнуло, а на кончике его виднелся белый росток. Мишка тоже вытащил из-под земли набухшее зернышко с белым ростком. Он долго рассматривал его и вдруг закричал:

— А, понимаю: это они сами расковыряли землю!

— Кто «они»?

— Зёрна! Они ожили и лезут уже из-под земли. Смотри, как земля вспучилась. Им там, под землей, становится тесно.

Мишка поскорее побежал звать ребят, чтоб показать им, как прорастают зёрна. Мы с Лёшкой и Сеней вытащили из-под земли ещё несколько зёрен. Все они уже начали прорастать. Скоро прибежали остальные ребята. Каждому хотелось взглянуть на зёрна.

— Смотрите, ребята, — сказал Витя Смирнов, — зёрна лопаются, и из них как будто выклевывается овёс.

— А что ты думаешь? — ответил Мишка. — Овёс ведь тоже живой; только он вырастет и будет стоять на месте; а когда выклюнутся наши цыплята, они будут бегать, пищать и просить у нас кушать. Вот увидите, какая у нас будет весёлая семейка!

Самый тяжёлый день

Работать в компании было весело, и последние дни прошли быстро. Наконец наступил двадцать первый день. Это было в пятницу. У нас всё уже было приготовлено к приёму молодняка. Мы отыскали в сарае большую кастрюлю и сделали из неё грелку, то есть выложили её внутри войлоком, чтобы цыплятам в ней было тепло. Теперь эта грелка стояла на чугунке с горячей водой — на случай, если цыплёнок выведется, чтоб сейчас же посадить его в грелку.

Накануне мы с Мишкой хотели совсем не ложиться спать, но в эту ночь Вадик Зайцев отпросился у мамы, и она разрешила ему дежурить у инкубатора.

— Какой же я буду дежурный, если вы будете сидеть возле меня всю ночь? — сказал Вадик.

— Уж вы, пожалуйста, лучше идите спать.

— А вдруг цыплята начнут выводиться ночью?

— Что ж тут такого? Если цыплёнок выведется, я его бац в кастрюлю, и пусть себе сохнет.

— Как это «бац»? — говорю я. — С цыплятами нужно бережно обращаться!

— Я буду бережно, не беспокойтесь. А вы лучше ложитесь спать. Завтра ведь ваше дежурство. Как вы будете дежурить, если не выспитесь ночью?

— Хорошо, — говорит Мишка. — Только ты, пожалуйста, разбуди нас, если цыплята начнут выводиться. Мы ведь столько дней ждали этого момента!

— Ладно, разбужу, — согласился Вадик.

Мы отправились спать, только я в эту ночь долго не мог заснуть, так как очень тревожился о цыплятах. Наутро я проснулся с рассветом и сейчас же побежал к Мишке. Мишка тоже уже встал. Он сидел возле инкубатора и внимательно осматривал яйца. Он увидел меня и сказал:

— Ещё ни одной наклёвки не видно.

— Сейчас, наверно, ещё рано, — ответил Вадик. — Они позже начнут наклеиваться.

Вадик скоро ушёл домой, потому что ночь уже кончилась и теперь начиналось наше дежурство. Когда он ушёл, Мишка решил ещё раз осмотреть все яйца. Мы стали переворачивать их и осматривать со всех сторон — нет ли в каком-нибудь яйце маленькой дырочки, которую должен продолбить изнутри цыплёнок. Но все яйца оказались целы. Мы закрыли инкубатор и долго сидели молча.

— А что, если разбить яйцо и посмотреть, есть там цыплёнок или нет? — говорю я.

— Сейчас ещё нельзя разбивать, — сказал Мишка. — Цыплёнок ещё пока дышит через кожу,

а не лёгкими. Как только он начнёт дышать лёгкими, он сейчас же пробьёт скорлупу сам. Если же мы разобьём раньше, то цыплёнок погибнет.

— Но цыплята в яйцах уже должны быть живые, — говорю я. — Может быть, можно услышать, как они там шевелятся?

Мишка достал яйцо и приложил его к уху. Я наклонился поближе и тоже стал прислушиваться.

— Тише! — заворчал на меня Мишка. — Сопит тут, как лошадь!

Я затаил дыхание. Стало тихо. Только слышно было, как тикают часы на столе. Вдруг зазвонил звонок. Мишка вздрогнул и чуть не уронил яйцо. Я скорее побежал открывать дверь. Это пришёл Витя. Он хотел узнать, не начали ли выводиться цыплята.

— Нет ещё, — сказал Мишка. — Ещё рано.

— Ну, я потом ещё перед школой зайду, — сказал Витя. Он ушёл, а Мишка снова взял яйцо и приложил его к уху.

Он долго сидел, закрыв глаза, и старательно прислушивался.

Наконец сказал:

— Совсем ничего не слышно.

Я взял яйцо и тоже послушал. В яйце была мёртвая тишина.

— Может быть, в этом яйце зародыш погиб? — сказал я. — Надо другие проверить.

Мы стали вынимать одно яйцо за другим и выслушивать их, но ни в одном яйце нам не удалось обнаружить никаких следов жизни.

— Неужели все зародыши погибли? — сказал Мишка. — Должен ведь хоть в одном яйце сохраниться.

Тут снова раздался звонок. Пришёл Сеня Бобров.

— Ты чего в такую рань поднялся? — спрашиваю я.

— Пришёл узнать, как цыплята.

— Цыплята ещё никак. Ещё слишком рано, — ответил Мишка.

Вслед за Сеней пришёл Сережа:

— Ну как, есть уже хоть один цыплёнок?

— Какой ты нетерпеливый! — говорит Мишка. — Что ты хочешь, чтоб цыплята с самого утра выводились? Успеют ещё.

Серёжа и Сеня посидели немного и ушли. Мы с Мишкой снова стали выслушивать яйца.

— Всё пропало! — убивался Мишка. — Совсем ничего не слышно.

— А может, они там притаившись сидят?

— Зачем же они сидят притаившись? Им пора скорлупу долбить.

Тут пришли Юра Филиппов и Стасик Левшин, а за ними — Ваня Ложкин. Ребята стали собираться один за другим, так что под конец у нас получилось как будто общее собрание. Мы с Мишкой позвали Майку, объяснили ей, что нужно делать, если цыплята начнут выводиться без нас, и пошли вместе с ребятами в школу.

Как мы провели этот день в школе, нельзя рассказать. Это был самый мучительный день в нашей жизни. Нам казалось, что кто-то нарочно растянул время и сделал уроки в десять раз длинней. Все мы очень боялись, что цыплята начнут выводиться, пока мы сидим в школе, а Майка без нас сделает что-нибудь не так, как нужно. Особенно длинным оказался последний урок. Время как будто остановилось совсем. Мы даже начали думать, что прозевали звонок. Потом нам стало казаться, что звонок испортился и поэтому мы не слышали его. Потом мы вообразили, что тётя Дуня забыла дать последний звонок и ушла домой и теперь нам придётся сидеть тут до завтрашнего дня, когда она снова вернётся в школу.

Ребята нервничали и шептались. Все посылали записочки Жене Скворцову и спрашивали, который час, но Женя, как на беду, в этот день забыл свои часы дома. В классе было шумно, и Александр Ефремович несколько раз просил восстановить тишину. Но тишина не восстанавливалась. Наконец Мишка поднял руку и хотел сказать, что урок уже кончился, но как раз в это время прозвонил звонок. Ребята сорвались с мест и бросились к двери. Александр Ефремович заставил всех сесть на свои места и сказал, что никто не должен выходить из-за парт, пока учитель в классе. Потом он обратился к Мишке:

— Ты, кажется, что-то хотел спросить?

— Нет, я хотел сказать, что урок кончился.

— Но ты ведь до звонка поднял руку.

— А я думал, что звонок испортился.

Александр Ефремович только головой покачал, потом взял журнал и вышел из класса. Ребята гурьбой бросились в коридор и загремели вниз по лестнице. У выхода образовалась пробка, но мы с Мишкой успели проскочить первыми и помчались по улице во весь опор. За нами, растянувшись длинной вереницей, мчались остальные ребята.

Через пять минут мы уже были дома. Майка сидела на своем посту, у инкубатора, и шила своей кукле Зинаиде новое платье.

— Ничего не случилось? — спросили мы её.

— Ничего.

— А ты давно заглядывала в инкубатор?

— Давно, ещё когда переворачивала яйца.

Мишка подошёл к инкубатору и приготовился открыть крышку. Все ребята столпились вокруг. Они вытягивали шеи, приподнимались на цыпочки, а Ваня Ложкин взобрался на стул, чтобы получше видеть, и свалился оттуда прямо на Лёшку Курочкина и чуть не сбил его с ног. Мишка всё не решался открыть крышку. Он как будто боялся.

— Ну, открывай! Чего же ты медлишь? — не вытерпел кто-то.

Мишка наконец открыл инкубатор. Яйца по-прежнему спокойно лежали на дне, словно большие белые камешки. Мишка постоял над ними молча, потом осторожно перевернул их по одному и каждое осмотрел со всех сторон.

— Нет ни одной наклёвки! — печально объявил он.

Чья вина?

Ребята молча стояли вокруг.

— А может быть, и не будет этих наклёвок? — спросил Сеня Бобров.

Мишка развёл руками:

— Я ведь не курица! Откуда мне знать! Что я понимаю в наклёвках?

Тут ребята заговорили все разом, заспорили: одни говорили, что цыплята не выведутся; другие — что ещё, может быть, выведутся; третьи — что либо выведутся, либо нет. Наконец Витя Смирнов прекратил разговоры.

— Пока ещё рано спорить, — сказал он. — День ещё не прошёл. Надо продолжать работу, как раньше. А сейчас марш все по домам! У инкубатора останутся только дежурные.

Ребята разошлись по домам. Мы с Мишкой остались одни и ещё раз осмотрели все яйца, нет ли где хоть маленькой трещинки, но нигде не было никакой. Мишка закрыл инкубатор и сказал:

— Ничего, пусть будет что будет! Сейчас ещё рано волноваться. Подождём до вечера и, если ничего не будет, тогда начнём волноваться.

Мы решили не волноваться и терпеливо ждать. Но легче всего сказать — не волноваться! Мы всё-таки волновались и через каждые десять минут заглядывали в инкубатор. Ребята тоже беспокоились и поминутно приходили. У всех был один вопрос:

— Ну как?

Мишка уже не отвечал ничего, а только пожимал плечами в ответ, так что к концу дня он так и остался с поджатыми плечами, будто они были у него к ушам приклеены.

Наступил вечер. Ребята заходили всё реже и реже. Последним пришёл Витя и долго сидел у нас.

— Может быть, вы не правильно посчитали дни? — спросил он.

Мы снова стали считать дни, но оказалось всё правильно. Сегодня был двадцать первый день, и вот он уже кончился, а цыплят не было.

— Ничего, — утешал нас Витя. — Подождём до утра. Может быть, они за ночь выведутся.

Я попросил у мамы разрешения ночевать у Мишки, и мы с ним решили не спать всю ночь.

Мы долго сидели у инкубатора. Разговаривать нам было не о чем. Теперь мы уже не мечтали, как прежде, потому что нам не о чем было мечтать. Скоро трамваи перестали ходить по улице. Стало тихо. За окошком погас фонарь. Я прилёг на кушетке. Мишка задремал, сидя на стуле, и чуть не свалился с него. Тогда он перебрался ко мне на кушетку, и мы заснули.

Наутро картина не переменилась. Яйца по-прежнему лежали в инкубаторе и все были целенькие. Внутри не было никакого шума.

Все ребята были разочарованы.

— Почему же так вышло? — спрашивали они. — Ведь мы, кажется, всё правильно делали!

— Не знаю, — говорил Мишка и разводил руками. Один я знал, в чём дело. Конечно, зародыши погибли ещё тогда, когда я проспал ночью: они остыли, и жизнь оборвалась на полпути. Мне было очень совестно перед ребятами. Ведь это из-за меня они напрасно трудились! Но я не мог никому об этом сейчас сказать и решил признаться когда-нибудь потом, когда этот случай немного забудется и ребята перестанут жалеть о цыплятах.

В школе в этот день нам было особенно грустно. Все ребята как-то сочувственно поглядывали на нас, будто над нами стряслась какая-то особенная беда, а когда Сеня Бобров вздумал, по привычке, назвать нас «инкубаторщиками», то все на него набросились и стали стыдить. Нам с Мишкой даже было неловко.

— Пусть бы лучше ребята ругали нас, — говорил Мишка.

— За что же нас ругать?

— Ну, они столько работали из-за нас. Они имеют право сердиться.

После школы ребята наведались к нам, а потом уже весь день не приходил никто. Только Костя Девяткин иногда приходил. Он один ещё не разочаровался в инкубаторе.

— Вот видишь, — говорил Мишка мне, — теперь все ребята на нас рассердились. А за что на нас сердиться? С каждым может случиться неудача.

— Ты ведь сам говорил, что они имеют право сердиться.

— Имеют! Конечно, имеют! — отвечал с раздражением Мишка. — Ты тоже имеешь право на меня сердиться. Это я во всём виноват.

— Почему ты виноват? Никто тебя не винит. Ни в чём ты не виноват, — ответил я.

— Нет, виноват. Только ты не очень сердись.

— Да за что же сердиться?

— Ну за то, что я такой неудачливый. Такое уж моё счастье, что я всё порчу, к чему только не прикоснусь!

— Нет это я всё порчу, — говорю я. — Я сам виноват во всём.

— Нет, я виноват: это я погубил цыплят.

— Как же ты мог погубить их?

— Я тебе расскажу, только ты не очень сердись, — сказал Мишка. — Один раз я под утро заснул и не уследил за градусником. Температура поднялась до сорока градусов. Я поскорее открыл инкубатор, чтоб яйца остыли, но они, видно, уже успели испортиться.

— Когда же это случилось?

— Пять дней назад.

Мишка взглянул на меня исподлобья. Лицо у него было виноватое и печальное.

— Можешь успокоиться, — говорю я ему, — яйца испортились гораздо раньше.

— Как — раньше?

— Ещё до того, как ты проспал.

— Кто же их испортил?

— Я.

— Как?

— А я тоже проспал, а температура упала, и яйца погибли.

— Когда же это случилось?

— На десятый день.

— Что же ты до сих пор молчал?

— Ну, мне совестно было признаться. Я думал — может быть, это ничего и зародыши выживут, а они вот не выжили.

— Так, так, — пробормотал Мишка и сердито посмотрел на меня. — Значит, из-за того, что тебе совестно было признаться, все ребята должны были даром трудиться, а?

— Но я ведь думал, что как-нибудь обойдётся. Всё равно ребята сами бы решили продолжать дело, чтобы узнать, погибли зародыши или нет.

— «Сами решили!» — передразнил меня Мишка. — Вот и нужно было сказать, чтоб все вместе решили, а не решать самому за всех!

— Послушай, — говорю я, — что ты кричишь на меня? А разве ты сам сказал кому-нибудь, когда не уследил за температурой? Ты ведь тогда тоже решил за всех!

— Верно, — говорит Мишка. — Я свинья! Бейте меня!

— Никто тебя бить не собирается. А ребятам ты всё-таки не говори про это, — сказал я.

— Завтра же расскажу! Про тебя я говорить ничего не буду, а про себя расскажу. Пусть все знают, какая я свинья! Пусть это будет как наказание мне!

— Ну, тогда и я всё про себя расскажу, — говорю я.

— Нет, ты лучше не рассказывай.

— Почему?

— Ребята и так смеются, что мы с тобой всё вдвоем делаем: и в школу ходим всегда вдвоём, и уроки учим вдвоём, и даже двойки получаем вдвоём. А теперь скажут: и на дежурстве проспали вдвоём.

— Ну и пусть, — говорю, — смеются. Что мне, легче будет, если только над тобой будут смеяться?

Когда погасла надежда

Печально закончился этот день, и опять наступил вечер. На кухне всё было по-прежнему: инкубатор продолжал нагреваться, лампочка продолжала гореть, но надежда у нас совсем погасла. Мишка молча сидел и вертел в руках яйцо. Мы долго думали, разбить его или пока подождать. Вдруг Мишка испуганно посмотрел на меня. Мне показалось, что он увидел позади меня что-то страшное. Я оглянулся. Позади ничего не было. Я снова взглянул на Мишку.

— Смотри! — прохрипел он и протянул мне яйцо, которое было у него в руках.

Сначала я не разглядел ничего, но потом заметил, что в одном месте яйцо треснуло и как будто бы надломилось изнутри.

— Что это? — говорю. — Может быть, ты сам ударил яйцо нечаянно?

Мишка отрицательно замотал головой.

— Тогда что ж это может быть? Наклёвка?

Мишка молча закивал головой.

— Почему ты так в этом уверен? Мишка пожал плечами:

— Сам не знаю...

Я осторожно приподнял надломленную скорлупу ногтем. В яйце получилась дырочка. Из неё на минуточку высунулся жёлтенький носик цыплёнка и сейчас же спрятался обратно.

От радости мы с Мишкой не могли вымолвить ни одного слова и молча бросились обнимать друг друга.

— Вот так чудо! — закричал Мишка и залился счастливым смехом. — Ну, куда нам теперь бежать? Куда бежать?

— Постой! — говорю. — Куда бежать? Зачем бежать?

— Ну, надо бежать, сказать ребятам! Мишка бросился к двери.

— Постой! — говорю. — Ты хоть яйцо оставь. Что ты, побежишь к ребятам с яйцом?

Мишка вернулся и положил яйцо в инкубатор. В это время к нам пришёл Костя.

— А у нас уже есть цыплёнок! — закричал Мишка.

— Врёте!

— Честное слово!

— Где же он?

— А вот посмотри!

Мишка открыл инкубатор. Костя заглянул в него:

— Где же цыплёнок? Тут одни только яйца лежат.

Мишка забыл, куда сунул яйцо с наклёвкой, и никак не мог отыскать его среди остальных яиц. Наконец он его нашёл и показал Косте.

— Братцы! Да там ведь самый настоящий цыплячий нос торчит! — закричал Костя.

— А ты думал, что мы тебе какой-нибудь фокус показываем?.. Конечно, настоящий!

— Сейчас, братцы! Вы это яйцо держите покрепче, а я побегу за ребятами! — закричал Костя.

— Беги, беги, а то ребята совсем уже перестали верить в цыплят. Никто и не зашёл за весь вечер ни разу.

— Да они все у меня сидят и все ещё верят, только они боятся беспокоить вас и каждый раз меня посылают узнать, как дела.

— Почему же они боятся?

— Ну, они ведь понимают, что вам не до них. Вам-то небось и без ребят было тошно.

Костя бросился к двери, и мы слышали, как он загремел вниз по лестнице.

— Батюшки-матушки! — закричал вдруг Мишка. — А я ещё маме ничего не сказал!

Он побежал звать маму, а я схватил яйцо и побежал показать своей маме. Мама посмотрела и велела положить яйцо обратно в инкубатор, потому что оно может остыть и тогда цыплёнок простудится.

Я прибежал обратно к Мишке, смотрю — он скачет по кухне как угорелый, а мама и папа стоят и смеются.

Мишка увидел меня и закричал:

— Ты не видел, куда я сунул яйцо? Я весь инкубатор перерыл — нет нигде!

— Какое яйцо? — спрашиваю я.

— Ну какое... С цыплёнком!

— Да вот оно, — говорю.

Мишка увидел у меня в руках яйцо:

— Ах ты, растяпа! Схватил яйцо и убежал! А я тут ищу его.

— Тише! — сказала Мишкина мама. — Столько шума из-за одного яйца.

— Да ты посмотри, что за яйцо! Разве это простое яйцо? — ответил Мишка.

Мама взяла яйцо и стала разглядывать маленький клювик цыплёнка, который виднелся сквозь дырочку. Папа посмотрел тоже.

— Хм! — усмехнулся он. — Удивительное дело!

— Что же тут удивительного? — сказал с важностью Мишка. — Просто явление природы. * * *

— Сам ты явление природы! — засмеялся Мишкин папа. — В цыплёнке, конечно, удивительного ничего нет, а вот удивительно, как он у вас получился. Я был уверен, что у вас из этой затеи ничего не выйдет.

— Почему же ты не сказал ничего?

— А зачем говорить? Я думал, что вам полезнее заниматься делом, чем бегать по улице.

Тут на кухню явилась Майка. Платье на ней было надето задом наперёд, ботинки — на босу ногу. Она уже легла спать, но услышала про цыплёнка и тоже захотела посмотреть, поэтому она очень спешила и оделась кое-как. Мы дали ей на минуточку подержать яйцо. Она стала заглядывать в дырочку одним глазом. В это время цыплёнок высунул клюв.

— Он меня клюнуть хотел! — закричала Майка. — Ишь ты какой! Не успел из яйца вылезти, а уже дерётся.

— Ну нечего тут на цыплят кричать! — сказал Мишка. Он отнял у неё яйцо и положил в инкубатор. Вдруг на лестнице послышался шум и топание ног. Кухня быстро наполнилась ребятами. Яйцо снова пошло по рукам. Каждому обязательно хотелось заглянуть в дырочку и увидеть цыплёнка.

— Братцы, — надрывался Мишка, — отдайте яйцо! Ему ведь надо в инкубаторе лежать — цыплёнок простудится!

Но никто не слушался.

Насилу мы отняли у ребят это яйцо и положили в инкубатор.

— А на других яйцах нет наклёвок? — спросил Витя. Мы принялись осматривать другие яйца, но наклёвок больше не было.

— Нет, только номер пятый наклюнулся, остальные яйца без наклёвок, — ответил Мишка.

— Может быть, они тоже наклюнутся? — говорили ребята.

— Ничего, — сказал Мишка, сияя от радости. — Если у нас выведется только один цыплёнок, я и то буду доволен. Всё-таки мы не даром трудились. Вот он, результат!

— Ребята, — сказал Сеня Бобров, — может быть, надо разломать скорлупу и выпустить цыплёнка на волю? Ему ведь тесно в яйце сидеть.

— Что ты! — ответил Мишка. — Нельзя скорлупу ломать. У цыплёнка кожа ещё слишком нежная, можно её поцарапать.

Ребята долго не расходились. Каждому хотелось увидеть, как цыплёнок выберется из яйца, но было уже очень поздно, и им пришлось уйти домой.

— Ничего, ребята, — говорил на прощание Мишка, — это ещё не всё! Наверно, кроме этого, и другие яйца наклюнутся.

Когда ребята разошлись, Мишка осмотрел ещё раз яйца и нашёл ещё на одном наклёвку.

— Смотри, — закричал он, — номер одиннадцатый наклюнулся!

Я посмотрел: яйцо, на котором была написана цифра «одиннадцать», тоже было с наклёвкой.

— Ах, какая досада, что ребята ушли! — говорю я. — Теперь уже поздно за ними бежать.

— Да, жалко! — пробормотал Мишка. — Ну ничего, завтра увидят уже готовых цыплят.

Мы сидели у инкубатора и упивались счастьем.

— Это только мы с тобой такие счастливые! — говорил Мишка. — Не каждому небось выпадает такое счастье!

Наступила ночь.

Все давно уже спали, но нам с Мишкой даже не хотелось спать.

Время бежало быстро. Часа в два ночи наклюнулись ещё два яйца: номер восьмой и десятый. А когда мы заглянули в инкубатор в следующий раз, то даже ахнули от изумления. Посреди яиц барахтался маленький новорождённый цыплёнок. Он пытался подняться на своих лапках, но всё время шатался и падал.

От счастья у меня захватило дыхание, сердце сильно забилося в груди.

Я поскорее взял цыплёночка в руки. Он был ещё мокренький и какой-то облезлый. Вместо перьев на нём были рыжие волосики, которые прилипли к его тонкой, нежной розовой кожице.

Мишка поскорее открыл кастрюлю, из которой мы сделали грелку.

Я посадил цыплёнка в кастрюлю. Мы подлили в чугунок горячей воды, чтобы цыплёнку было теплее.

— Теперь он высохнет, обогреется и станет совсем хорошим, — говорил Мишка.

Он вынул из инкубатора две половинки скорлупы, из которой вылупился цыплёнок, и сказал:

— Удивительно, как в такой маленькой скорлупе мог помещаться такой огромный цыплёнок!

А цыплёнок на самом деле казался огромным по сравнению с маленькой скорлупой, из которой он вылупился. Он ведь лежал в скорлупе скрюченный, с поджатыми лапками, с подвёрнутой головой, а теперь он расправился, вытянул шею и стоял на своих маленьких ножках.

Мишка принялся рассматривать обе половинки скорлупы и вдруг как закричит:

— Да это ведь не тот цыплёнок!

— Как «не тот»?

— Ну, не тот, не первый! Первый наклюнулся номер пятый, а этот одиннадцатый.

На скорлупе в самом деле была написана цифра «одиннадцать».

Мы заглянули в инкубатор. Номер пятый по-прежнему лежал на месте.

— Что ж это он? — говорю я. — Раньше всех наклюнулся, а вылезать не хочет.

— Наверно, он слабенький и не может сам разломать скорлупу, — сказал Мишка. — Пусть полежит ещё и наберется побольше сил.

Наша ошибка

За всеми хлопотами мы даже не заметили, как наступило утро. Взошло солнышко и стало светить в окно. На полу заиграли солнечные зайчики, и вся кухня наполнилась радостным светом.

— Вот увидишь, сейчас придёт кто-нибудь из ребят, — сказал Мишка. — Они не вытерпят!

Не успел он это сказать, как пришли сразу двое — Женя и Костя.

— Смотрите на чудо! — закричал Мишка и вытащил из кастрюли цыплёнка. — Вот оно, чудо природы! Ребята стали рассматривать цыплёнка.

— А здесь ещё три наклёвки! — хвастался Мишка. — Смотрите: номер пятый, восьмой и десятый.

Цыплёнок, видно, очень боялся холода. Когда мы держали его в руках, он начинал беспокоиться, а когда сажали обратно в грелку, сейчас же успокаивался.

— А вы уже покормили его? — спросил Костя.

— Что ты, что ты! — ответил Мишка. — Его ещё рано кормить. Цыплят начинают кормить только на следующий день.

— А вы так и не спали всю ночь? — спросил нас Женя.

— Нет. Куда уж тут спать, когда такие дела пошли!

— Так вы ложитесь, а мы пока подежури́м, — предложил Костя.

— А вы разбудите нас, если новый цыплёнок выведется?

— Конечно, разбудим.

Мы с Мишкой улеглись на кушетке и моментально заснули. По правде сказать, мне давно уже хотелось спать. Ребята разбудили нас часов в десять утра.

— Вставайте смотреть чудо-юдо номер два! — закричал Костя.

— Какое «чудо-юдо номер два»? — не понял я спросонок и огляделся по сторонам.

Вся кухня уже была полна ребят.

— Вот оно, чудо! — закричали ребята и показали на грелку.

Мы с Мишкой вскочили и заглянули в кастрюлю. В ней оказалось уже два цыплёнка. Один из них был кругленький, пушистый и жёлтенький, как яичный желток. Совсем настоящий красавец!

— Какой замечательный! — говорю я. — Почему же наш первый такой облезлый? Все засмеялись:

— Да это и есть ваш первый.

— Какой?

— Вот этот, пушистый.

— Да нет! Наш вот тот, голенький.

— Этот голенький только что вылупился. А первый уже обсох и стал пушистый.

— Вот так чудеса! — говорю я. — Значит, и второй такой будет, когда обсохнет?

— Конечно.

— А какой номер вылупился? — спросил Мишка.

— Как — какой номер? — не поняли ребята.

— Ну, у нас все яйца ведь пронумерованы, — объяснил Мишка.

— А мы и не посмотрели, из какого он номера вылез, — ответил Костя.

— Можно проверить по скорлупе, — сказал я. — Там ведь скорлупа осталась.

Мишка открыл инкубатор и как закричит:

— Батюшки! Да тут ещё два новорождённых! Все, толкая друг друга, бросились к инкубатору. Мишка осторожно вынул из инкубатора двух новых цыплят и показал нам.

— Вот они, орлы! — с гордостью сказал он.

Мы усадили и этих цыплят в кастрюлю. Теперь их уже было четверо. Они все сидели кучкой и жались друг к другу, чтобы было теплее.

Мишка вытащил из инкубатора оставшуюся скорлупу и стал разбирать, какие на ней были написаны номера.

— Номер четвёртый, восьмой и десятый, — объявил он. — Только который из них какой?

Мы стали рассматривать трёх новых цыплят, но теперь уже нельзя было узнать, из какой скорлупы они вывелись.

— Все номера перепутались! — смеялись ребята.

— А номер пятый так и лежит в инкубаторе? — говорю я.

— Верно! — воскликнул Мишка. — Лежит! Что ж это он? Может быть, умер?

Мы достали яйцо номер пять из инкубатора и немного расширили наклёвку.

Цыплёнок спокойно лежал в яйце и шевелил головкой.

— Живой! — обрадовались мы и положили яйцо обратно.

Мишка проверил оставшиеся яйца и обнаружил новую наклёвку, на третьем номере. Ребята смеялись и потирали от удовольствия руки.

— Вот как пошли дела! — радовались они.

Тут пришла Майка. Мы стали показывать ей цыплят.

— Вот этот мой! — сказала она и уже хотела схватить пушистого.

— Постой, — говорю я. — Зачем хватаешь? Ему сидеть надо в грелке, а то простудится.

— Ну, тогда я потом возьму. Только этот, пушистый, мой будет. Я не хочу голого.

В этот день было воскресенье. В школу никому не нужно было идти. Ребята весь день толпились у нас. Кто на стуле сидел, кто на кушетке. Мы с Мишкой сидели на самом почётном месте — возле инкубатора. Направо, возле плиты, стояла кастрюля с новорождёнными, на плите грелся чугунок с водой, на окне весело зеленел овёс в ящиках. Ребята шутили, смеялись, рассказывали разные интересные случаи из жизни.

— Почему же произошла задержка? — спросил кто-то из ребят. — Вы ведь ещё в пятницу ждали цыплят.

— Не знаю, — ответил Мишка. — В книге написано, что цыплята выводятся на двадцать первый день, а сегодня уже двадцать третий. Может быть, в книге произошла какая-нибудь ошибка?

— Может быть, это у вас произошла ошибка? — говорит Лёша Курочкин. — Вы помните, когда заложили в инкубатор яйца?

— Мы заложили третьего числа. Это было в субботу, — говорит Мишка. — Это я точно помню, потому что на другой день было воскресенье.

— Послушай, — сказал Женя Скворцов, — у вас как-то нескладно получается: заложили яйца в субботу, а двадцать первый день наступил в пятницу.

— Правда! — подхватил Витя Смирнов. — Если вы начали в субботу, то и двадцать первый день тоже должен наступить в субботу. Ведь в неделе семь дней, а двадцать один день — это ровно три недели.

— Трижды семь — двадцать один! — засмеялся Сеня Бобров. — Так по таблице умножения получается.

— Я не знаю, как там у тебя по таблице умножения получается! — обиделся Мишка. — Мы не по таблице считали.

— Как же вы считали?

— А вот как, — сказал Мишка и начал загибать пальцы. — Третьего числа был первый день, четвертого — второй, пятого — третий...

Так он дошёл до пятницы, и у него получился двадцать один день.

— Что же это? — говорит Сеня. — По таблице умножения двадцать первый день получается в субботу, а по пальцам — в пятницу. Как-то чудно!

— А ну покажи ещё раз, как ты считаешь, — сказал Женя

— Вот, — сказал Мишка и снова начал загибать пальцы. — В субботу, третьего, — один день, в воскресенье, четвертого, — два...

— Постой, постой! Не правильно! Если ты начал третьего, то третье число не надо считать.

— Почему?

— Потому что день ещё не прошёл. День прошёл только четвёртого. Значит, ты должен начать счёт с четвёртого числа.

Тут мы с Мишкой поняли, в чём дело. Мишка подсчитал по-новому, и оказалось всё верно.

— Правильно, — сказал он. — Двадцать первый день наступил вчера.

— Значит, всё вышло как надо, — говорю я. — Ведь мы заложили в инкубатор яйца в субботу вечером, и первая наклёвка появилась в субботу вечером, то есть вчера. Как раз двадцать один день прошёл.

— Видишь, какое несчастье может произойти, если плохо знаешь арифметику, — сказал Ваня Ложкин. Все засмеялись, а Мишка сказал:

— Из-за этой ошибки мы столько мучений перенесли! Если б мы не ошиблись, никто бы не мучился.

День рождения

К концу дня у нас в грелке сидело уже десять цыплят. Последним появился номер пятый. Он упорно не хотел вылезать из яйца, и нам пришлось наполовину обломать скорлупу, чтобы помочь ему выбраться. Если бы мы этого не сделали, то он так и остался бы в скорлупе до скончания веков. Он был помельче остальных птенцов и не такой крепкий — должно быть, оттого, что так долго сидел в яйце.

К вечеру в инкубаторе осталось только два яйца. Они сиротливо лежали посреди опустевшей коробки, и на них не появилось даже наклёвок. Мы продолжали нагревать инкубатор и не гасили лампу, но они даже не наклюнулись за ночь. Все новорождённые цыплята прекрасно провели ночь в кастрюле, а наутро мы их выпустили на пол. Все они были жёлтенькие, пушистые и отчаянно пищали. Они моргали своими глазёнками, жмурились от яркого света; одни уже крепко держались на своих маленьких ножках, другие падали, третьи пытались бежать, но тут же спотыкались. Иногда они тыкали клювиками в разные пятнышки на полу и даже в блестящие шляпки гвоздей. * * *

— Миленькие! Да они есть хотят! — воскликнул Мишка. Мы поскорее сварили вкрутую яйцо, нарезали его мелко и насыпали цыплятам. Но цыплята не догадывались, что яйцо можно есть. Мы давали им по кусочку яйца и говорили:

— Ешьте, глупые!

Но цыплята даже не смотрели на корм. В это время на кухню пришла Мишкина мама.

— Мама, они не хотят есть яйцо! — пожаловался Мишка.

— А ты поучи их.

— Как же их учить? Мы говорим им, а они не слушаются.

— Да разве так цыплят учат? Ты постучи по полу пальцем.

Мишка присел возле цыплят и стал стучать пальцем по полу там, где был насыпан корм. Цыплята увидели, что палец как будто клюёт на полу корм, и тоже стали клевать. Через минуту от яйца не осталось ни крошки. Тогда мы поставили им блюдечко с водой, и цыплята принялись пить воду. Их этому не нужно было даже учить. Потом они сбились на полу кучкой и прижались друг к дружке. Мы посадили их обратно в кастрюлю, чтобы им было теплее.

В этот день, как только Марья Петровна пришла в класс, все ребята бросились к ней навстречу и стали рассказывать, что у нас уже есть цыплята. Марья Петровна очень удивилась и обрадовалась.

— Значит, вас можно поздравить с днем рождения цыплят? — сказала она.

Все засмеялись, а Витя Смирнов сказал:

— А мы даже не отпраздновали день рождения цыплят! Давайте сегодня отпразднуем. Все обрадовались и закричали:

— Давайте, давайте! Марья Петровна, а вы придёте на день рождения к нам?

— Приду, — улыбнулась Марья Петровна. — И подарок цыплятам принесу.

— Мы тоже принесем подарки! — кричали ребята. Вернувшись из школы, мы с Мишкой с нетерпением ждали гостей. Нас очень интересовал вопрос: какие будут подарки? Первым явился Сеня Бобров с букетом цветов.

— Что это? — сказал Мишка, — Ты зачем цветы притащил?

— А подарок!

— Зачем же цыплятам такой подарок? Что они, есть будут эти цветы?

— Зачем есть? Будут смотреть и нюхать.

— Вот ещё выдумал! Цветов они не видели, что ли!

— Конечно, не видели. Давай-ка банку с водой. Увидишь, как хорошо будет.

Мы налили в банку воды и поставили цветы в воду. Вслед за Сеней явились Серёжа и Вадик. Они оба принесли по букету подснежников.

— Что это вы все сговорились приносить цветы? — насупился Мишка.

— А тебе что, наши подарки не нравятся? — обиделся Вадик — Знаешь, дареному коню в зубы не смотрят.

Мы поставили и эти цветы в воду.

Пришёл Ваня Ложкин и принёс полкило крупы овсянки. Мишка посмотрел и покачал головой:

— Уж не знаю, будут ли они такую овсянку есть.

— А ты попробуй, — говорит Ваня.

— Нет, мы лучше подождём и спросим Марью Петровну.

Тут пришла Марья Петровна.

В руках у неё было что-то завернутое в газету. Она развернула, и это оказалась бутылка. В бутылке было что-то белое.

— Молоко! — закричал Мишка. — А мы и не догадались цыплятам молока дать!

— Это не молоко, а простокваша, — сказала Марья Петровна. — В первые дни цыплятам нужно вдоволь простокваши давать. Они её очень любят.

Мы выпустили цыплят из грелки, принесли блюдечко и налили в него простокваши. Цыплята принялись есть простоквашу.

— Вот это настоящий подарок цыплятам! — радовался Мишка. — Надо знать, что цыплятам дарить.

Продолжали прибывать новые «гости». Пришли Витя и Женя и принесли пшена. Вслед за ними прибежал Лёша Курочкин с детской погремушкой в руках и закричал.

— Вот, не знал, что купить новорождённым! Иду по улице, смотрю — в киоске продаются детские погремушки. Ну, я и купил погремушку им.

— Додумался! — проворчал Мишка. — Кто же дарит цыплятам погремушки?

— Откуда же я знаю, что цыплятам дарить? Может быть, им погремушка понравится.

Он подскочил к цыплятам и начал над ними греметь погремушкой. Цыплята перестали есть простоквашу и начали задирать кверху головы.

— Смотрите! — кричал радостно Лёша. — Им погремушка нравится!

Все засмеялись. Мишка сказал:

— Ну ладно, не мешай им есть.

Я спросил Марью Петровну, можно ли кормить цыплят овсянкой. Марья Петровна сказала, что кормить цыплят можно всякой крупой, но только варёной.

— А как варить крупу? — спросил Мишка.

— Ну, сварите просто кашу.

Мы с Мишкой хотели уже начать варить кашу, но тут пришёл ещё один «гость» — Костя Девяткин.

— А подарок принёс? — спросили его ребята.

— Подарок вот, — сказал Костя и вытащил из кармана два пирога.

— Вот так придумал! — засмеялись ребята.

— Ну, на день рождения всегда ведь бывают пироги, — оправдывался Костя.

— А с чем пироги? — спросил подозрительно Мишка.

— С кашей

— С кашей?.. — закричал Мишка. — Так чего ж ты молчишь?

Он выхватил у Кости из рук пироги и стал выковыривать из них кашу.

— Постой! — сказал Костя. — Ведь и так видно, что они с кашей. Зачем пироги портить?

Но Мишка не слушал. Он выложил кашу на блюдечко и поставил перед цыплятами. Цыплята принялись клевать кашу.

Майка увидела, что все приносят подарки цыплятам. Она принесла красную ленточку, разрежала на кусочки и повязала каждому цыплёнку бантик вокруг шеи. Мы расставили вокруг цыплят банки с цветами, и у цыплят получился настоящий праздник. Перед ними в блюдечках стояло угощение: в одном блюдечке каша, в другом простокваша, в третьем чистая, свежая вода, а все цыплята были с красными бантиками — настоящие именинники! Костя хотел ещё угостить их травой, но Марья Петровна сказала, что цыплятам ещё рано давать зелёный корм; с этим лучше потерпеть до завтра.

Цыплята наелись, попили свежей водички. Мы сняли с них бантики и посадили обратно в грелку. Марья Петровна посоветовала нам отгородить для цыплят угол на кухне и поставить им чугунок с горячей водой, чтоб они возле него грелись.

— А лучше всего отвезти их куда-нибудь в деревню. В закрытом помещении цыплята часто болеют и могут умереть. Им обязательно нужен свежий воздух, — сказала Марья Петровна. *

Мы показали Марье Петровне наш инкубатор, в котором осталось только два яйца.

— Из этих яиц, наверно, уже ничего не выйдет, — сказала Марья Петровна. — Но это не беда. У вас и так всё очень хорошо получилось. Вы потрудились на славу!

— А мы не одни трудились: с нами ребята работали, — сказал Мишка.

— Так и надо, — ответила Марья Петровна. — Будете дружными — никакие трудности вас не испугают.

— А я думал, что у нас совсем ничего не получится, так как один раз не уследил за температурой и яйца остыли, — сказал я.

— Зародыши могут выдержать довольно длительное охлаждение, — сказала Марья Петровна. — Ведь наседка не сидит всё время на яйцах. Раз в день она сходит с гнезда, для того чтобы покормиться, и яйца остывают. В инкубаторах тоже остужают яйца раз в день, чтобы зародыши развивались, как в природных условиях. Но гораздо опаснее перегреть яйца.

— А я один раз перегрел, — говорит Мишка. — Температура поднялась до сорока градусов.

— Значит, ты вовремя спохватился, — объяснила Марья Петровна. — Длительный перегрев мог бы погубить зародыши.

Вечером мы разбили оба оставшихся яйца. В обоих оказались недоразвившиеся зародыши. Жизнь почему-то остановилась в них, и цыплята умерли не родившись. Может быть, это как раз и случилось от перегрева. Мы потушили лампу, которая горела ровно двадцать три дня. Ртуть в градуснике медленно опустилась вниз. Инкубатор остыл. А у плиты в кастрюле копошилась наша «весёлая семейка» — десять пушистых жёлтеньких цыплят.

На волю

Наша «весёлая семейка» жила очень дружно. Цыплята чувствовали себя спокойно и хорошо, когда были все вместе. Но стоило только какого-нибудь из них унести от остальных, как он начинал тревожно пищать и бегать, стараясь отыскать своих братцев, и успокаивался только тогда, когда находил их. * * *

Майка уже давно хотела забрать своего цыплёнка, но мы всё не позволяли ей. Наконец она всё-таки не послушалась и унесла его в комнату. Через полчаса она принесла его обратно и со слезами сказала:

— Я не могу больше! Он надрыгает мне душу писком. Я думала, он привыкнет и не будет пищать, а он всё пищит, да так жалобно!

Она пустила цыплёнка на пол, и он со всех ног бросился к остальным цыплятам, которые держались стайкой и не отходили далеко друг от друга.

Мы отгородили на кухне угол. В углу постелили клеёнку и поставили на неё чугунок с тёплой водой. Сверху мы накрыли чугунок подушкой, чтоб вода не остывала слишком быстро. Цыплята забирались под подушку и сидели вокруг чугунка, как вокруг курицы. Этот чугунок на самом деле заменял им мать — курицу.

Иногда мы выносили цыплят во двор, но там нам трудно было следить за ними: то собака появится, то кошка — со всех сторон грозила какая-нибудь беда. Цыплятам чаще всего приходилось сидеть дома, и мы очень боялись, что им не хватает свежего воздуха. Особенно нас беспокоил один цыплёнок. Он был помельче остальных, и характер у него был какой-то задумчивый. Он мало бегал, часто сидел совсем молча и мало ел. Это был номер пятый, который позже всех вылупился из яйца.

— Хорошо бы отвезти наших цыплят в деревню, — сказал Мишка. — Боюсь, как бы они не заболели у нас.

Но нам жалко было расставаться с цыплятами, и мы со дня на день откладывали поездку.

Один раз утром мы с Мишкой пришли кормить цыплят. Цыплята уже узнавали нас и с радостным писком бросались из-под чугунок к нам навстречу. Мы поставили им тарелочку с пшённой кашей. Цыплята принялись клевать корм.

Они толкали друг дружку, прыгали через головы. Каждый старался опередить другого, а один даже залез с ногами в тарелку.

— А где же номер пятый? — спросил Мишка. Номер пятый обычно толкся позади всех. Его, как самого слабого, цыплята отталкивали, и мы всегда кормили его отдельно. Иногда он и вовсе не хотел есть, а прибежал с остальными цыплятами, чтоб не оставаться одному. Но на этот раз его совсем не было. Мы пересчитали цыплят. Их оказалось девять.

— Может быть, он за чугуном спрятался? — сказал я и заглянул за чугунок.

Цыплёнок был там. Он лежал на полу, и я сначала подумал, что он просто прилёг отдохнуть. Я протянул руку и взял его. В руке у меня очутилось маленькое холодное тельце. Головка цыплёнка свесилась книзу и безжизненно моталась на тоненькой шейке. Номер пятый был мёртв.

— Мы долго смотрели на него и от жалости не могли сказать ни слова.

— Это мы виноваты! — сказал наконец Мишка. — Надо было отвезти его в деревню. Он бы окреп там на чистом воздухе.

Мы похоронили цыплёнка во дворе под липой, а на другой день собрали всех остальных в корзинку и сказали, что повезем их в деревню. Все ребята пришли провожать цыплят. Майка плакала и целовала на прощание своего цыплёнка. Ей очень хотелось оставить его у себя, но она боялась, что он будет скучать по своим братцам, и поэтому согласилась, чтобы мы отвезли его тоже в деревню.

Мы накрыли корзинку тёплым платком и пошли на вокзал. Цыплятам было тепло и уютно. Всю дорогу они сидели тихо и только иногда попискивали, перекликаясь между собой. Пассажиры с любопытством поглядывали на нас и, наверно, догадывались, что у нас в корзинке цыплята. * * *

— Ну как, птицеводы, опять за яйцами приехали? — засмеялась тётя Наташа, когда увидела нас.

— Нет, — сказал Мишка. — Мы привезли вам маленьких цыплят, чтоб они у вас жили.

Тётя Наташа заглянула в корзинку:

— Батюшки! Где же вы набрали столько цыплят?

— Сами вывели в инкубаторе.

— Шутите! Наверно, в зоомагазине купили.

— Нет, вы ведь сами дали нам яиц месяц назад. А теперь эти вот яйца вернулись к вам в живом виде.

— Чудеса! — воскликнула тётя Наташа. — Вы, наверно, какими-нибудь животноводами будете, когда вырастете.

— Не знаю, — ответил Мишка.

— А вам не жалко расставаться с цыплятами?

— Жалко, — ответил Мишка. — Да вы ведь знаете: в городе им не житьё. Здесь у вас воздух свежий и чистый, и им будет здесь хорошо, а там им даже побегать негде. У вас они вырастут, и получатся из них настоящие куры и петухи. Куры будут нести вам яйца, а петухи будут петь песни. А у нас уже один цыплёнок умер, и мы похоронили его под липой.

— Ах вы мои бедные! — сказала тётя Наташа и обняла нас с Мишкой. — Ну ничего, ничего! Один цыплёнок умер, что ж делать? Зато остальные будут жить.

Мы выпустили цыплят из корзины и долго смотрели, как они резвились на солнышке. Тётя Наташа сказала, что у неё заклохтала курица, и мы с Мишкой побежали в сарай посмотреть на наседку. Она сидела в лукошке, из которого торчало во все стороны сено. Курица строго глядела на нас, будто боялась, что мы отнимем у неё яйца.

— Вот и будут нашим цыплятам товарищи, — сказал Мишка. — Вместе им веселее будет.

Весь день мы провели с Мишкой в деревне. Ходили в лес, на реку, в поле. Когда мы приезжали в прошлый раз, на полях ещё ничего не росло, потому что это было совсем ранней весной. Только тракторы трещали вокруг и пахали чёрную землю. А теперь вся земля покрылась зелёными всходами: куда ни глянешь — до самого горизонта тянется зелёный ковёр.

А в лесу — вот где было раздолье! В траве копошились мурашки, букашки, в воздухе порхали бабочки, со всех сторон доносились голоса птичек. Так было хорошо, что не хотелось уезжать домой! Мы с Мишкой решили приехать сюда летом, построить на берегу реки шалаш и жить в нём, как Робинзон.

Наконец мы вернулись к тёте Наташе и стали прощаться с ней. Тётя Наташа дала нам на дорогу по куску пирога и сказала, чтоб мы приезжали к ней жить на каникулы. Мы вышли во двор и в последний раз посмотрели на наших цыплят. Они уже совсем привыкли к новому месту и бегали среди кустов и деревьев, наполняя воздух радостным писком. Они по-прежнему держались дружной стайкой и пищали, должно быть, для того, чтобы тот, кто заблудился среди травы, мог найти остальных по писку.

— Ну, прощай, наша весёлая семейка! — сказал Мишка цыплятам. — Дышите тут воздухом, грейтесь на солнышке, закаляйте свои организмы, набирайтесь побольше сил. Живите между собой дружно, как и до сих пор жили. Помните, что вы все братья — дети одной матери... то есть тьфу! — дети одного инкубатора, в котором все вы лежали рядышком, когда были ещё обыкновенными, простыми яйцами и ещё не умели ни бегать, ни говорить... то есть тьфу! — ни пищать... И нас тоже не забывайте, потому что это мы сделали инкубатор и, значит, это мы дали вам жизнь, которая такая хорошая и прекрасная...

Всё!